

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

**ЛЮБОВЬ
И СМЕРТЬ**
ВСЕГДА ВДВОЕМ

А К Т У А Л Ь Н Ы Й Д Е Т Е К Т И В

Любовь и смерть.ru

Наталья Андреева

Любовь и смерть всегда вдвоем

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Любовь и смерть всегда вдвоем / Н. В. Андреева — «АСТ»,
2015 — (Любовь и смерть.ru)

Сложно искать черную кошку в темной комнате... Еще сложнее расследовать убийство с помощью интернета. Особенно когда у тебя нет опыта, ты не следователь и не сыщик, а обычная женщина, которая в одночасье потеряла и ребенка и мужа. Так сложно смириться с этим, особенно если убийца по-прежнему рядом. Он играет с тобой, как черный кот с серой мышкой. И кто же победит?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андреева Н. В., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

От автора	6
Москва, Институт им. Склифосовского, 20 марта, утро	7
Глава 1	10
1	10
2	13
3	21
Глава 2	26
1	26
2	30
3	36
Глава 3	42
1	42
2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Наталья Андреева
Любовь и смерть всегда вдвоем

© Андреева Н., 2015

© ООО «Издательство АСТ»

От автора

Хочу напомнить моим читателям, что этот первый роман из серии «Любовь и смерть. Ри» написан в 2000 году. Тогда далеко не у каждого в доме был компьютер, не говоря уже о ноутбуке, о Skype представления еще не имели, планшеты и смартфоны в магазинах пока не появились, а главным носителем информации являлась дискета. Можно сказать, что серия «Любовь и смерть. Ри» – это рассказ о эволюции компьютерной грамотности.

И компьютерных преступлений. От простого взлома сайта до...

В общем, история продолжается...

Москва, Институт им. Склифосовского, 20 марта, утро

*«Что нежной страстью
Как цепью я окован...»*

– Ну что, красавица, очнулась?

Люба попробовала открыть глаза. Боже! Оказывается, солнечный свет – это так больно! Особенно такой яркий, ведь на улице весна. Зачем его впустили в больничную палату? Не место здесь солнцу. В этих унылых стенах – болезни, страдания. Солнечный луч подкрадывается к лицу, словно игривый котенок к блюдечку с молоком. Чуть тронул мягкой лапкой веки, и они задрожали. А лучик лизнул щеки и тут же прыгнул на лоб. Люба невольно открыла глаза, но тут же и закрыла. Виски словно сдавило тисками. Как больно!

– Тошнит...

Прямо над ней чье-то лицо, не поймешь, мужское или женское, все расплывается, будто в тумане. Люба сделала усилие, моргнула несколько раз и наконец поняла: это мужчина в белом халате, на голове седой ежик волос, лицо в мелких морщинах, доброе, взгляд понимающий. Врач. Он внимательно смотрит на Любу через очки в тонкой металлической оправе.

– У тебя, милая моя, небольшое сотрясениице мозга. И шейные позвонки от удара чуть-чуть сместились. Трещины в ребрах, как раз по моей части. Потому что я хирург. Помнишь что-нибудь?

«Небольшое», «чуть-чуть»... Все они так говорят. Жалеют ее. Берегут. По Любиному самочувствию не скажешь, что чуть-чуть. Лучше умереть, чем так страдать!

– Я? Да... – «Что нежной страстью...»

– Из милиции тобой уже интересовались. Но я сказал: «Ни-ни».

– Из милиции?

– Значит, не помнишь.

Пожилый врач посмотрел на нее пристально и замаялся. Она поняла эту паузу: говорить или не говорить? «Что нежной...» Вертится в голове беспрестанно, и все тут. Может быть, это безумие? «Что нежной страстью...» Господи, что было-то до нее, до этой страсти?!

– Ну, лежи тогда, отдыхай, мы тебя скоро из реанимации в общую палату переведем, – вздохнул врач, и она поняла его выбор: не говорить.

– Постойте.

Он задержался в дверях, посмотрел на нее нерешительно.

– А может быть, не стоит волноваться? Отдыхай.

Все правильно: только истерик ему не хватало. Он хирург, не психотерапевт.

– Я хочу знать.

– Э-э-э...

– Что с мужем?

– Здесь он. В реанимации, – и врач отвел глаза.

Она вспомнила наконец все, что было до того, как ария, исполняемая популярным певцом, оборвалась на слове «окован». Работала магнитола. Люба слушала музыку, чтобы хоть чем-то себя занять. И тут... Удар сзади в их «Жигули», стоявшие на шоссе с включенным аварийным сигналом. И знак выставлен сзади, метрах в двух. Машина заглохла, муж пытался ее починить. Люба его не видела за поднятым капотом. Значит, вся сила удара той, другой машины пришлась на Олега. Мужа буквально смяли несколько тонн железа. В реанимации?!

– Не надо меня жалеть, – тихо попросила Люба.

– Не надо, говоришь, – врач неохотно вернулся и присел на стул возле Любиной кровати. И грустно повторил: – Не надо жалеть... Что ж...

– Он умер, да?

– Родные-то у тебя есть?

– Нет. Мама умерла.

– Давно?

– Не очень. А отец... Отца не было. Она одна меня растила. Да что вы все ходите вокруг да около?! Подготавливаете меня, что ли? Думаете, я ничего не понимаю? Я сама психолог. По образованию.

– Вот как. Психолог. Сама, значит, справишься... Да, он умер. Там же, на шоссе. Мгновенно.

Она вспомнила: носилки. Тело на носилках, которое несли в микроавтобус серого цвета. Кажется, в народе такие зовут труповозками. Тело было с головой накрыто брезентом. Любу в это время несли в машину «Скорой помощи». Носилки трянуло, и она потеряла сознание. Умер, значит. Там же, на шоссе. «Что нежной страстью...»

– Что, плохо?

– Голова сильно болит. И солнце.

– Что солнце? Глаза режет? Сильно?

– Да.

– Это плохо. У тебя от сильного удара о переднюю панель образовалась обширная внутренняя гематома, и это самое скверное. Руки, ребра – все поправимо. Кости срастутся. А вот голова... С головой не шутят. Не хочу тебя пугать, но сильные боли могут остаться надолго, – он опять замялся.

– Надолго, это насколько?

– Возможно, на всю жизнь. Хорошо, что ты была пристегнута, а то бы вылетела через лобовое стекло на дорогу. И тогда все. Я полагаю, что гематома сама рассосется. Не хотелось бы операцию делать. Вскрывать тебе череп. Общий наркоз тебе сейчас только повредит. Ну и период реабилитации затянется. Но это тебе подробнее нейрохирург объяснит. Не я буду делать.

– Операцию? – Она испугалась.

– Что, не хочешь? Это правильно. Тогда терпи. Болеть будет. Но женщины ведь терпеливые. Ты сама должна справиться. Взять себя в руки.

Люба вспомнила: да, она была пристегнута. Заслушалась радио. Машина остановилась, муж занялся ремонтом, а Люба так и не отстегнула ремень безопасности. Потом был сильный удар о переднюю панель. А могла бы и вылететь через лобовое стекло на дорогу. Порезаться осколками, истечь кровью. Тогда все. А может быть, так было бы лучше?

Врач встал, подошел к окну и задернул шторы. Спросил:

– Так легче?

– Да. Спасибо. – Молоточки перестали стучать в Любиных висках, в палате стало прохладнее и действительно легче дышать.

– Ну, лежи, отдыхай. Раз у тебя родных нет, кому сообщить-то?

– Подруге. Людмила Самсонова. Запишите телефон.

– Погоди, я медсестру позову. Это уж вы теперь с ней сами договаривайтесь, по-женски. А ты ничего, молодец. Держись. Психолог.

Он сказал: «по-женски». Люба напряглась и невольно потрогала живот. Хирург, нейрохирург. Не они ей сейчас нужны.

Весь ужас происходящего дошел до нее чуть позже, когда немного утихла боль. Пришла медсестра, сделала Любе укол, и ей вновь почудилось: «Что нежной страстью...» Но теперь мелодия, крутившаяся в мозгу, словно заезженная пластинка, внезапно оборвалась. Игла про-

игрывателя перескочила на соседнюю дорожку, нахлынули новые воспоминания, и новая боль вдруг обрушилась ливнем, да так, что тело закружило в ней как щепку. Люба почувствовала, что попала в водоворот, и весь низ живота словно бы вытягивает через эту черную воронку.

– Мама! – крикнула она. – Мамочка!

Голос внезапно осип. Ее не услышали. Люба протянула руку и одним резким движением смахнула все, что стояло на тумбочке на пол. Чашка, ложка, тарелка, пузырьки с лекарствами... Раздался грохот.

– Да кто ж тут безобразничает?! – сунулась в палату нянечка.

– Помогите... – еле слышно попросила Люба.

И почти потеряла сознание от боли. Словно сквозь вату услышала:

– Вы что, не видите: у нее маточное кровотечение!

– Врача! Срочно! Эх, видать, не обойдется...

– Да... Бедняжка... Ребеночка-то жалко...

– Надо же: и муж погиб, и выкидыш случился. В один день...

– Перенервничала.

– Эх, найти бы этого мерзавца!

– Пьяный небось за рулем-то был...

«Как цепью я окован...»

Глава 1

Ромео

1

Нет, он был не пьяный. Только не это. Он знал, что делал. Люба уже пожалела: зачем поддалась на уговоры мужа? Зачем согласилась на эту работу? Ведь именно с нее все и началось. Олег уговорил. А просьбу мужа, точнее, его настойчивую мольбу Люба проигнорировать не смогла. Она слишком им дорожила.

Так это и бывает. Нечасто, но бывает. Позднее счастье, которое приходит, когда ничего уже от жизни не ждешь. Прямо как в кино. Живет в огромном городе женщина, не красавица, но и не дурнушка, неглупая, добрая и с домашним хозяйством управляется. Как говорится, все при ней, кроме мужчин, которые почему-то обходят ее стороной. А почему?

Школа окончена с золотой медалью, учеба в университете далась легко, в шкафу, в папке с самыми важными документами лежит красный диплом, мало вам? А потом... Потом работа с утра до ночи, по будням, в конце недели – пустые выходные дни: диван и пульт от телевизора в руке. Шоколадные конфеты, чтобы заесть печаль, а порою рюмочка коньяка или любимого ликера со вкусом миндаля. Обычная женщина, каких в огромном городе – многие десятки тысяч. А то и сотни. Одиноких, без особых проблем, но почему-то никому не нужных. Все при ней, и все мимо нее. И бури житейские, и радости. Жизнь, похожая на сон, и где же ты, принц, решившийся прервать его поцелуем любви?

Может быть, это потому, что женщина живет с мамой? Да, квартира однокомнатная, не богато, но и не в нищете же. Ты только найдись, вместе мы справимся. Но покамест принца нет, женщина запоем читает романы о любви, которые мама приносит из библиотеки. И все время ждет. Потому что навязываться неудобно. Воспитание не позволяет. Счастье что птица, в неволе не живет. Надо ждать, терпеливо ждать, заботливо рассыпая каждое утро зернышки на ладошке. Ладощку не надо сжимать в кулак, но и в глаза при этом никому заглядывать не надо с немым вопросом: а не ты ли это? В общем, вести себя с достоинством, быть милой и простой. Сдержанной.

И однажды случится все как в кино. В дождливый летний день у автобусной остановки притормозит машина, и водитель, опустив стекло, вдруг спросит:

– Замерзли? Подвезти?

Люба даже не сразу поверила. Обернулась: это он мне? Но кроме нее, на остановке никого больше не было.

Не дай бог, узнает мама! Строго-настрого дочке запрещено ловить частного. Тем более вечером. Это из-за нее, из-за мамы, Люба молчит и неуверенно переминается с ноги на ногу, лихорадочно вспоминая, в сумке ли газовый баллончик? Или дома забыла, растяпа? И водитель все понял. С насмешкой спросил:

– Что, все мужчины маньяки?

Улыбается он по-доброму, хотя и немного грустно, поэтому Любе удастся наконец собраться. Она вспоминает, что сама психолог, и весь ее опыт работы говорит о том, что на маньяка водитель не похож. Хотя много она их видела, маньяков? В университете училась еще в те застойные времена, когда маньяки были в диковинку, после его окончания получила распределение на крупный завод, штатным психологом, да там и осталась. Какие уж тут маньяки! Работяги. Делать Любе особо нечего, на работе ее держит сила привычки. Ее сокурсники давно уже поняли все преимущества своего образования и пользуются ими вовсю, большие деньги

зарабатывают, а она по-прежнему живет от зарплаты до зарплаты, лишнего себе не позволяет. Теперь уже Любу заботит другой вопрос: сколько денег в кошельке?

– Сколько? – неуверенно спрашивает она.

– Садитесь уже. У вас губы посинели от холода, и плащ промок. Я не бомбила. Просто вас жалко.

Эх, была не была! Села! Машинально назвала адрес. Хлопнула дверца. Люба поджала ноги и замерла, боясь посмотреть влево. Водитель новеньких «Жигулей» уверенно вырулил с остановки и вклинился в поток машин. Видать, машину он водит давно и вполне профессионально. А говорит, не бомбила! Невольно Люба опять заволновалась.

– Что же вы так напряглись? – насмешливо спросил он. – Справку показать, что я не маньяк?

– А такую дают?

– Не знаю. Я не врач.

– Я врач, – неожиданно сказала она. – Вернее, психолог.

– А я бизнесмен. Олег.

– Люба.

– Вот и познакомились.

А счастье уже совсем близко, клюет зернышки с ладошки. И можно заглянуть ему в лицо, рассмотреть, какое оно? Что ж лицо как лицо, можно сказать, обычное. Так ведь и она не красавица. Тоже обычная. Виски у водителя «Жигулей» с сединой, у глаз морщинки и взгляд усталый. Да, потрепала его жизнь. Что же ты так долго меня искал?

А ты уверена, что тебя?

– Сколько вам лет, Люба?

– Тридцать два.

– Кокетничать не умеете.

– А зачем?

– А замуж?

Она тихонько вздохнула. Но ладошку не сжала. Пусть уж оно само.

– С чего вы взяли, что я не замужем? Кольцо не ношу?

– Да у вас на лице все написано. Замужние женщины не так в машине сидят, – он глянул на ее колени, и Люба невольно одернула подол. И кто из них, спрашивается, психолог?

– Какой дом? – меж тем спросил он. – Этот?

– Да.

Он притормозил, повернулся к ней лицом и сказал:

– Сидите. – Потом неожиданно: – Значит, так: меня зовут Петров Олег Анатольевич, мне сорок три года, разведен, живу один, в двухкомнатной квартире, бизнес мой маленький, магазинчик бытовой техники у дороги, машину сами видите: «Жигули», не «Мерседес». Денег у меня много нет, жених я не слишком завидный. Я вам позвоню, если дадите телефон. Дадите?

– Да.

– А «нет» вы умеете говорить, Люба?

– Не знаю.

– Попробуйте.

– Нет.

– Вот видите: получилось ведь. Значит, до встречи?

Так она стала Любовью Петровой. Потому что спустя три месяца они поженились. Люба переехала к нему, а еще через полгода она узнала, что у мужа проблемы. Финансовые. Небольшие, как он ей говорил, но требующие неотложного решения и постоянного присутствия на работе. Люба понимающе кивала. В дела Олега она не лезла никогда. Чувствовала, что ему вопросы о бизнесе неприятны, и старалась не обострять отношения. Муж оказался челове-

ком замкнутым, из тех, про которых говорят: весь в себе. И любил он ее так же. Немного-словно, не совершая безумств, на которые порою способны влюбленные, без диких вспышек страсти, без суеты и ревности. Но любил, она хотела так думать. Иначе зачем все? Как в кино: неожиданно-негаданно. Даже можно сказать, красиво. И поэтому Люба не смогла отказать, когда муж попросил о приработке:

– Люба, я видел объявление в газете. Частная фирма приглашает опытного психолога на работу. Я так понимаю, что для частных же консультаций. За это должны хорошо платить.

– Я не опытный психолог.

– Брось. Не боги горшки обжигают. Ты почти уже десять лет работаешь по специальности. У тебя модная нынче специальность. Ну сколько можно пахать на государство? Что тебе этот завод? Давно уже все развалилось, зарплату постоянно задерживают. А здесь все чисто: с их стороны лицензия, аренда помещения, налоги. С твоей – диплом о высшем образовании и опыт работы. Такие же люди.

– Не такие. Я догадываюсь, кто ходит на подобные консультации и тратит на это большие деньги. Те, которым делать нечего. И проблемы они сами себе придумывают.

– Тебе-то какая разница? Лишь бы деньги платили, – усмехнулся муж.

– Я не могу. Нет.

– Люба, ну, помоги мне, в конце концов! – взмолился он. – Если ты будешь оплачивать наши текущие расходы, мне будет легче. Пойми, я хочу расширить дело. Хочу открыть еще один магазин или два. А для этого надо не изымать из дела средства, а вкладываться в него. Клянусь, что больше всего на свете я хочу, чтобы ты сидела дома. Была женой, матерью и не думала о работе. Так и будет. Но дай мне время.

– Хорошо, – сдалась она. – Я позвоню. Где этот телефон?

Муж вздохнул с явным облегчением и протянул ей газету, где нужное объявление уже было выделено желтым маркером.

– Я только попробую, – предупредила она. – Но у меня может и не получиться.

– Не может. Ты умница.

Ее неуверенность таяла от поцелуев мужа, словно мартовский снег на солнце. Еще немного, и под ногами окажется твердая, хотя и не просохшая еще земля. И новая жизнь на ней, полная беготни и постоянного напряжения. Потому что легко сказать: «Я попробую». Но работать после этих слов приходится всерьез.

Сначала ей назначили испытательный срок.

– Посмотрим, как дело пойдет, – уклончиво сказал работодатель, глядя в ее документы.

Люба все поняла. Впечатления она не произвела, но с кадрами у них проблема. Пока они хотят заткнуть Любой дырку в штатном расписании. И она решила совмещать работу на заводе и в частной клинике. Потом, если дело пойдет, можно взять отпуск. И уж если загрузка будет полная и деньги хорошие, окончательно порвать с прошлым. Такой уж она была, Любовь Александровна Петрова. Осторожной. Или нерешительной? А то и трусихой. Такие и попадают в расставленные судьбой ловушки. Не жилось тебе, дурочка, с мамой и с книжками про любовь. Хлебай теперь полной ложкой!

Люба сразу поняла, что была не права. Насчет скучающих бездельников, которые придумывают себе проблемы. Были и серьезные случаи, требующие долгих неоднократных консультаций. Было и то, чего она уж никак не ожидала. И поначалу даже не приняла всерьез.

2

Пароля от почты мужа она не знала. Надеялась, что и он никогда не полезет в ее почту. Хотя Любе хотелось бы большего доверия. Но Олег сказал: «Не лезь на мой винчестер», проведя, таким образом, границу. Его документы хранятся на отдельном жестком диске, вся ее чепуха на другом. У мужа все запаролено, и это не год рождения его или Любы, она, как-то балуясь, попробовала. Дудки! Пароль Олег поставил не за тем, чтобы жена, как-никак психолог по образованию, легко его разгадала.

Будучи человеком скрытным, Олег даже не сказал, какой у него провайдер. Какие сайты он посещает. Его переписка была тайной. А Люба чем дальше, тем больше привыкала не задавать лишних вопросов. Если он так решил, значит, так надо. Муж отстраняет ее от своего бизнеса не от недоверия, а потому, что хочет уберечь. Чем меньше знаешь, тем спокойнее спишь. А покой ей нужен сейчас как никогда. Она слишком долго хотела ребенка, и теперь, когда это случилось, про все остальное надо забыть.

К многочасовым путешествиям по Интернету ее приохотил Олег. Он хорошо разбирался в компьютерах, охотно консультировал всех знакомых, да и в свою собственную персоналку вкладывал деньги, не скупясь. Неограниченный доступ в Интернет оплачивался им ежемесячно в таком же обязательном порядке, как счета за квартиру, свет и телефон. Когда жена пожаловалась на скуку и одиночество, Олег посоветовал ей заглянуть в виртуальный мир.

– Ты же среднестатистический пользователь, компьютер знаешь неплохо. В Интернете полно развлечений для скучающих дам. Возьми себе ник и общайся, с кем хочешь. На любые темы. Хочешь в чате, а хочешь, спишись с кем-нибудь. Заведи себе виртуальных друзей. Хоть в России, хоть за границей. Ты же знаешь английский. Какие проблемы?

Люба подумала: а ведь и в самом деле! Мир такой большой! Сколько домохозяек скучает вечерами дома? Можно с кем-нибудь поболтать. Днем, понятное дело, работа. Зарплата маленькая, зато рабочий день заканчивается рано. Клиентов пока мало, в частной клинике не загружают. Практики у нее маловато, да и регалий нет. Хорошо бы кандидатскую защитить, а лучше докторскую. Тогда и клиентов прибавится. Нет, с подработкой жены Олег прогадал.

В магазин сходила, ужин приготовила, а дальше что? Олег зачастую приходит за полночь, а без него она не засыпает. Ворочается с боку на бок, прислушиваясь, не повернется ли в замке ключ? Оказалось, что таких полуночников полно. У Любы быстро появились виртуальные собеседники. Вечера стали пролетать незаметно. В основном Люба обсуждала интересные ее темы в чатах, на различных форумах. Кино, музыка, книги... Электронный адрес был указан на ее визитке вместе с фамилией, должностью, названием фирмы, в которой она теперь подрабатывала, телефоном и факсом. Но клиенты, которых пока еще было мало, предпочитали пользоваться телефоном. И сообщений не присылали.

Но однажды Люба включила компьютер и вдруг увидела, что с ней хотят пообщаться! Ей написали в личку! Интересно кто? Один из клиентов?

– Олег! – испуганно крикнула она.

Муж в этот вечер был дома, но почти непрерывно разговаривал по телефону. И, похоже, был не в настроении. Она постаралась не мешаться, накормила Олега ужином и мышкой прощмыгнула за компьютер. И вот надо же! Ей сообщение! Как быть? А вдруг это вирус? Муж лучше разбирается в компьютерах.

– Олег! – вновь позвала она.

– Ну что?

Он был раздражен, подошел торопливо и, глянув на экран, буркнул:

– Тебе сообщение. Зачем же так кричать?

– А что делать?

– Ничего. Открой.

– А ничего не будет? Это не опасно?

– Ты права: это может быть какая-нибудь пакость. – Муж задумался. – В Сети, что в переполненном трамвае: поневоле приходится ехать до станции назначения, и в любую минуту какой-нибудь жулик может залезть тебе в карман. Желающих поживиться на твоей наивности много.

– Думаешь, это вирус?!

– Не бойся. Я недаром поставил два винчестера. На том, с которым ты сейчас работаешь, ничего ценного нет. Даже если его и грохнут – невелика потеря.

– Значит, я могу не опасаться?

– Все в порядке. Главное, мое не трогай.

Муж снова ушел в другую комнату разговаривать по телефону, а Люба с интересом уставилась на экран: кто бы это мог быть? Сначала она даже не поняла. Тема: Любовь. Отправитель: Ромео. И подумала, что это ее имя. То есть Любви Петровой от кого-то по имени Ромео. Она открыла письмо, прочитала и невольно покраснела. Захотелось снова громко крикнуть: «Олег!» Но муж разговаривал по телефону.

«Может быть, это вовсе не мне?» – мелькнула мысль. Нет, все правильно. Адрес же ее. Но само письмо...

«Я люблю вас.

Первый раз я увидел вас на автобусной остановке. И сразу подумал: вот женщина, которая меня поймет. Вы добрая, вы милая. Ваши глаза похожи на янтарные капельки сосновой смолы. Она выступает на коре, в том месте, где ударил топор. Я чувствую ее запах, я обожаю ее цвет. Я помню, как красиво лежат ваши волосы надо лбом, он у вас высокий и чистый, как у Мадонны. Помню, во что вы были одеты в тот день. Теперь я хочу вас услышать. Мы не будем спешить. Медленно и постепенно. Вы готовы?

Для начала: Ромео. Жду ответа».

«Глупость какая-то», – поежилась она. И вслух сказала:

– Какая плохая шутка!

А что еще? Розыгрыш, не иначе. Если бы ее лучшая подруга Люська Самсонова что-нибудь понимала в компьютерах, то об анонимном поклоннике не надо было бы и гадать. Для Люськи существовало два святых праздника: Новый год и первое апреля. Розыгрыши она обожала с той же страстью, что и хоровод вокруг елки, шампанское и бенгальские огни. Но Люська работала продавцом на вещевом рынке, компьютеры были для нее все равно что ружья в руках испанских конкистадоров, когда их впервые увидели аборигены. Люська знала, что ружье стреляет, и приблизительно знала, куда надо нажать. Но в руках его еще не держала. Она и школу-то закончила еле-еле, десять лет списывая у лучшей подруги. А на выпускных экзаменах спасли шпаргалки. Вот здесь Самсонова была виртуозом! Люба потом с час драила ее мочалкой, пытаясь отмыть чернила, и ругалась:

– Зачем ты спину-то исписала формулами? А главное, как? Ладно, руки и ноги. Но спина! Здесь же абракадабра какая-то! Меж лопаток! И на шее! Как этим можно пользоваться?!

– А зеркало на что? Между прочим, шея мне физику спасла! Я сделала вид, что рассматриваю прыщ, приподняла волосы, и...

– Избавь меня от подробностей!

– Да, пожалуйста! Ты, главное, три... Три! А? Слыхала? Четверку пожалела, злыдня! Физичка наша! Ты, говорит, Самсонова, списала, хоть тебя и не поймали. Так ловкость рук тоже требует поощрения! И за сообразительность могли балл накинуть! Жмоты!

Нет, Люська и компьютеры – это несовместимо. И потом слог. Поэтично. Люська Самсонова грубовата. Сравнить глаза подруги с капельками сосновой смолы – это для нее слишком сильно. «Творец тебя мне ниспослал, моя Мадонна, э-э-э... Как его?»

– «Чистейшей прелести чистейший образец...» – шипела Люба со второй парты и Самсонова таращила глаза: чего?

– Два балла. Садись.

– Я щас, Марь Ванна! Учила! Клянусь! Ночь не спала! Чистейшей... э-э-э... как, блин, его?

– Ночь ты не спала, вижу. Только не с Пушкиным.

– С Соловьевым, – хихикал класс, и багровая, как свекла, Люська плелась на место, потом начинала ругать подругу: «Надо было от руки написать! Печатными буквами! И поднять повыше!» Вспомнив это, Люба невольно улыбнулась. Нет, послание не от Люськи. И отвечать не стала.

Ночью, уже в постели, Люба спросила у мужа:

– Олег, какого цвета у меня глаза?

– Карие, – буркнул муж, натянув на нос одеяло.

– А может, золотистые? Цвета янтаря?

– Спи ты, ради бога! У меня завтра тяжелый день. – Муж отвернулся к стене, и Люба поняла, что разговор окончен.

Олег не был романтиком. И не стал бы он сочинять подобные глупости, тем более посылать их законной жене по электронной почте. Люба невольно вздохнула и решила все забыть. Не глупость и не розыгрыш, похоже, что ошибка. А кого-то любят...

Следующее послание не заставило долго ждать. На этот раз мужа не было дома, и она замерла, увидев слово «любовь». Неизвестный, скрывающийся под именем «Ромео», был настойчив.

«Я буду писать, пока не получу ответа. Мне обязательно надо с вами разговаривать. Не хотите меня видеть, давайте воспользуемся Инетом. Хотя бы попытайтесь меня понять. У вас почти получилось. Жду.

Пока еще Ромео».

Итак, он предлагает приватный разговор посредством компьютера. Она решилась и пулей набила: «Кончайте эти глупые шутки!»

Хватит с него. Но тут же пришел ответ:

«Это не шутки. Я серьезен. Почему вы мне не верите? Вообще не верите, что на свете есть Любовь? И вас прошу отнестись к этому серьезно. Я готов рассказать о себе. Если вам интересно, подробности биографии. А также цвет глаз и волос, размер обуви и нижнего белья. Хотите фотографию? Впрочем, признаюсь: пришлю не свою. А биографию выдумаю. И не потому, что я комплекую. У меня все в порядке. Я и имею в виду внешность. Все в порядке, все в порядке... Кроме души. С ней что-то случилось. Давно и не из-за вас. И я ищу. Хотите... Вместе поищем?

Все еще Ромео».

Она решила дать ему отповедь. Покончить с этим раз и навсегда. Может, для него это в порядке вещей: искать в Сети объект для страсти нежной. Хобби такое у человека, что с этим поделаться? Пальцы проворно забегали по клавиатуре:

«Мне тридцать три года, я замужем, жду ребенка и не собираюсь ничего менять в своей жизни. Я счастлива. Может, кому-то это и покажется смешным, но придется в это поверить: я счастлива! У меня хорошая семья и любимая работа. Прошу оставить в покое».

Несколько минут она думала, как подписаться. Любовь? Да он неизвестно что подумает! Ну и имечко! Люба – интимно. Любаша – наивно. Любовь Петрова? А отчество надо? Может, адрес в конце приписать? Почтовый, не электронный. И телефонный номер. Хотя номер у

него есть. Раз есть адрес электронной почты. Он мог его взять только с визитной карточки. А где взял карточку? А может, это одна из ее пациенток? Шутит. «Разводит» психотерапевта. Господи, зачем только Люба связалась с частной клиникой! Только маньяков в ее спокойной жизни не хватало!

«Доктор» – вот хороший псевдоним. Первое, что пришло в голову. Все правильно: она врач. Прежде всего. Надо дать ему это понять, быть может, он сам попросит помощи. Или признается: шучу, мол. Он или... она? Пауза. Неужели все?

«Все» было только до следующего вечера. Да, Люба долгое время даже не понимала, во что ввязалась. Но события развивались.

– Не читай, – коротко сказал Олег. И встал из-за компьютера. Люба сообразила: муж просматривал ее почту. Люба, кстати, пароль и не скрывала. Да его и нетрудно было вычислить.

Меж тем диалог с Ромео продолжался. И в этот вечер, и на следующий день. Люба побаивалась, но все равно хотела с ним общаться. Быть может, из-за того, что он первым и единственным назвал ее глаза янтарными? Обычные карие глаза.

«Не думайте, что я про вас ничего не знаю. А вот вы плохо знаете собственного мужа. Пояснить?»

Она вздрогнула:

– Олег!

– Ну что еще? – Муж заглянул в комнату, лицо у него было недовольным.

– Я хочу, чтобы ты это прочитал.

– Делать мне больше нечего! Извини, Люба, но это обычные глупости, которых в Интернете полным-полно. Молодежь забавляется. Могу поспорить, что твоему пылкому поклоннику лет пятнадцать.

– Не думаю. Это пишет не ребенок. Я все-таки психолог.

– Вспомнила наконец!

– Так что мне делать?

– Адрес сменить. Или не отвечать. И он отстанет.

– А как же визитки? Как же мои пациенты? Вдруг кто-то из них захочет прислать мне сообщение?

– На это есть телефон. Так что? Меняем адрес?

– Подожди.

– Не пойму: чего ты хочешь?

– Ты от меня ничего не скрываешь? Хотя глупо спрашивать. Все скрываешь. Мы почти не разговариваем последнее время.

– Я просто забегался. Занял денег. Надо отдавать.

– Много? – сразу испугалась она.

– Много. Я тебе говорил, что хочу расширить дело. Пришлось рискнуть. И не говори теперь, что я от тебя все скрываю. Могу сказать больше: я занял деньги под квартиру. Под нашу квартиру.

– И что?

– Мы можем ее потерять.

Она пожала плечами:

– Но есть же еще моя квартира. То есть мамина, – она запнулась. И вдруг расплакалась.

Где-то находим, а где-то теряем. Любина мама словно ждала известия о том, что у нее будет внук. И тут же начала угасать, тихо, стараясь никого не беспокоить. Болела до этого много и часто, но держалась и о своих страданиях не говорила. Убедившись же в том, что единственная дочь вполне счастлива в браке и ее есть на кого оставить, призналась в том, что у нее неоперабельный рак. Два месяца назад она умерла, Люба – единственная наследница.

Олег уже намекал, что надо бы сходить к нотариусу, подать заявление об открытии наследства. Когда Люба снова всхлипнула, муж, поморщившись, сказал:

– Ну, хватит. Не плачь. Выкрутимся как-нибудь. Кстати, зря мы тебя сюда прописали. Пospешили. Не ожидал я, что теща так быстро помрет. Теперь налог надо платить. За наследство. Квартира, конечно, все равно твоя, но заплатить придется.

– Какие мелочи! – не удержалась она.

– Это не мелочи, Люба, это деньги.

– Похоже, что для тебя они в жизни главное! А я на втором месте! Или на третьем? Есть еще твоя работа!

– А ты хочешь, чтобы мы целыми днями за руки держались и в глаза друг другу смотрели? – неожиданно разозлился Олег.

– Зачем ты на мне женился? – с тоской спросила она.

Это было их первое выяснение отношений. «Вы плохо знаете собственного мужа», – вспомнила Люба. А что там знать? Он обычный человек. Не маньяк, не иностранный шпион. Он действительно Петров Олег Анатольевич, сорока трех лет, по национальности русский, прописан в этой двухкомнатной квартире, бизнесмен. О прошлом не хочет говорить? Да мало ли что там было! Несчастливая любовь, предательство друзей, смерть близких. Олег никогда не говорит о своих родителях.

– Ладно, Люба, ты нервничаешь, потому что беременна, а я устал. Давай спать. И не говори мне больше об этих письмах. Это несерьезно.

– Хорошо.

Она решила, что Олег прав. С перепиской по электронной почте надо завязывать. Тем более что от комплиментов пылкий поклонник перешел к угрозам.

«Вы должны избавиться от мужа. Он все равно человек конченный. Уезжайте куда-нибудь. Лучше, если вас не будет рядом, когда это случится».

Фу-ты, как пафосно! «Человек конченный»! Как в каком-нибудь романе. И что, интересно, «это»?

«Я не могу последовать совету незнакомого человека».

«Вы очень хорошо меня знаете. Имя, фамилию, год рождения и даже адрес, по которому я проживаю. Пока. Лучше, чем вы, меня не знает никто».

«Мы встречались?»

«Встречаемся».

«Где?»

«Избавьтесь от мужа, и я скажу. Нам будет хорошо вместе. Я не считаю, что главное в жизни – это деньги. Больше всего мне нравится, что вы не жадная. Это он вас заставил. Он умеет это делать: использовать людей. Вы – очередная жертва. Не надоело решать чужие проблемы? Подумайте о своих!»

Следующий вечер был последним. Она решила покончить с Ромео. Попросила Олега сделать что-нибудь. Он кивнул и сел за компьютер.

– Тебе снова почта, – усмехнулся муж. – Похоже, что он только и ждет вечера, чтобы тут же войти с тобой в контакт.

– Убери это.

– Подожди. Мне интересно.

– Олег!

– Там что-нибудь интимное? Я ревную.

– Да читай!

Она ушла на кухню, включила чайник. Должен же этому быть конец! Пусть читает. Когда Люба минут через десять снова заглянула в комнату, муж сидел за компьютером, глядя в монитор, и не двигался. Люба подошла и заглянула ему через плечо.

«Я сам вас от него избавлю», – прочитала Люба и вздрогнула.

– Кажется, меня хотят убить? – Муж сказал это с иронией, но она почувствовала: Олег чего-то боится.

– Думаешь, это серьезно? – Она тоже испугалась.

– У меня в жизни все было серьезно. Каюсь: рисковал. Но тебя в роли роковой женщины, из-за которой могут и убить, не представлял никогда.

– Это еще почему? – Она не обиделась: не красавица, не кокетка, мужчин всю жизнь сторонилась, чего уж обижаться? Но почувствовала пренебрежение к себе и затосковала. Неужели Ромео прав? Олег ее использует. Только и всего. Никакое это не счастье. И отнюдь не кино. Это жизнь. Жестоко!

– Да ты и сама все понимаешь. Умница. Мне с тобой повезло. Ну же, Люба, не дуйся! Тебе не идет.

Он вдруг рассмеялся:

– Нет, в самом деле. Ха-ха! Какой-то псих забрасывает любовными посланиями мою жену, а под конец заявляет: «Я сам вас от него избавлю»!

– Я в милицию позвоню.

– Не стоит. Просто наука тебе на будущее: не спеши открывать послания, тема которых любовь. И не переживай: если меня и убьют, то не из-за этого.

– А из-за чего? – Люба не хотела принимать его слова всерьез.

– Успокойся, я пошутил, – ответил муж. И тут же: – Разговор окончен. Выйди, я сам ему отвечу.

– Но...

– Я сказал: выйди! – повысил он голос, и Люба выскочила на кухню.

Но через несколько дней Олег спросил сам:

– Люба, ты в милицию не звонила?

– Ты же сам сказал...

– Такое чувство, что за мной кто-то следит. Но с делами я разобрался.

– Отдал долг?! Но откуда такие деньги?!

– Да. Отдал. В некотором роде. Не беспокойся: эту квартиру мы не потеряем.

– Может, это Ромео за тобой следит?

– Кто?!

– Тот парень из Интернета.

– Да я ему ноги переломую! Если он еще не понял!

– За что? За любовь?

– А тебе его жалко?

– Олег, почему ты никогда не рассказываешь про свою первую жену? Тебе сколько лет было, когда вы развелись? А как познакомились?

– А почему ты вдруг вспомнила? – Ей показалось, что муж насторожился. – Я, кажется, ничего от тебя не скрывал. Да, я был женат, мы разошлись. Обычная история: ранний студенческий брак, не сошлись характерами. Это же было так давно! Да, у нас был ребенок. Я никогда не оставлял бывшую жену без материальной поддержки. Мы постоянно созванивались. Ты сама знаешь, что недавно мы виделись. На дне рождения, куда я ходил с твоего разрешения. Ты же была не против.

– А почему ты так нервничаешь?

– Нервничаю?

Он взял со стола пачку сигарет, повертел ее в руках, достал одну. Потом начал искать зажигалку. Люба поморщилась.

– Да. Знаю. Сигаретный дым тебе вреден, – с досадой сказал Олег. – Ну, хорошо, я не буду. Кофе сварю. – Люба кивнула и отошла к плите. – Нервничаю... – сказал Олег ее спине. – Я

никогда не думал, что меня будет мучить совесть. Я человек жесткий, без сантиментов. Сопли-слюни, жалость... Все это не для меня. И вот хожу теперь и нервничаю. Придется, видимо, идти в милицию.

– Может быть, он сам отстанет?

– Кто?

– Ромео.

– Ах, ты об этом...

– А ты о чем?

– Так... Это тебя не касается. Все утрясется как-нибудь.

– И все будет хорошо?

– Ну, периодически. Как тому и положено быть. Иногда хорошо, иногда плохо, а в целом просто жизнь.

Муж всегда был неразговорчив. Люба к этому уже привыкла. Он выпил кофе и уселся за компьютер, а она... Она присела в кресло у телевизора и стала мечтать. Вот если бы они с Олегом, взявшись за руки, гуляли под дождем, и он, держа над ее головой зонт, сказал бы, стоя на набережной или под огромным деревом, что у Любы глаза, словно янтарные капельки смолы...

... Следующий день был выходным. И для нее, и для мужа. Они хотели погулять в центре Москвы, но на улице было холодно, сыро и очень неудобно. Весна боролась за свои права, сгоняя снег мелким дождем и порывами ветра, зима же цеплялась изо всех сил за каждый его клочок, за каждую лужу, вновь покрывая ее за ночь ледяной коркой. Народу в центре было много, но люди старались поскорее спрятаться в тепло, в уютные кафе, в рестораны, в магазины.

Люба тоже охотно рассматривала новые вещи, особенно детские. Покупать пока ничего не стала, потому что лучшая подруга сказала, что это плохая примета заранее готовить детское приданое, но мысленно потратила все до копейки. И свои и мужнины.

– Хочешь что-нибудь? – спросил тот, останавливаясь у витрины с ювелирными изделиями.

– Да. Есть. Всегда хочу есть.

Муж улыбнулся и отошел от сверкающей витрины. Скрыгой он не был, просто не любил необдуманных трат. Попроси жена золотую безделушку – купил бы. Любе достаточно было это знать, за что Олег ее и ценил. А деньги потратить они еще успеют. Вот родится ребенок...

Они купили еду в кафе самообслуживания, где продавали фастфуд. В дорогие рестораны Олег ее никогда не водил. Люба знала, что если она попросит, то Олег уступит. Но к чему эти необдуманные траты? Достаточно знать, что она может пойти в дорогой ресторан. Но и тут неплохо. Ото всюду доносятся вкусные запахи. Русская кухня, итальянская, китайская... Так бы все и съела!

Люба сидела за одним из многочисленных столиков на фудкорте, обмакивала в соус кусочки курицы, покрытые золотистой, хрустящей корочкой, и уписывала их с наслаждением, видя, как муж снисходительно улыбается. Ну и пусть! Да, она голодная! Уплетает курицу и косится на гамбургер! А у Олега, похоже, совсем нет аппетита. Пока он отошел за кофе, Люба, отдышавшись, стала рассматривать публику.

За соседним столиком сидела одинокая женщина, очень красивая, в шляпке, которую не сняла, хотя здесь было тепло. Шляпка ей шла, глазами женщина то и дело искала подтверждения этому у окружающих, кофе в маленькой чашечке, стоящей перед ней, давно уже остыл. Люба вдруг вспомнила: зернышки на ладошке. Очередной ловец счастья. Интересно, долго она уже так сидит? Что ж, всем когда-нибудь везет.

– Ты довольна? – спросил Олег, вернувшись с крохотной чашечкой кофе.

– Да. Очень.

– Еще что-нибудь хочешь?

– Нет.

– Тогда... Пошли? – Он одним глотком допил двойной эспрессо.

Люба кивнула и поднялась. Рядом с ним она чувствовала себя спокойно. Олег всегда знает, что делать.

Они проехали пару остановок на метро и сели в машину. В центре припарковаться не удалось, но Люба не жаловалась. Какой хороший день! Они погуляли, пусть не под дождем и без всякой романтики. А теперь они едут домой...

Ей было тепло от сытной еды и включенной печки. На любимой волне звучали ее любимые мелодии. Арии из опер в современной обработке. Какая красивая музыка! Люба улыбалась и кивала в такт.

– Что такое? – Олег прислушался.

– Что?

– Кажется, двигатель сейчас заглохнет. В ремонт завтра надо.

– А до дома доедем?

– Не знаю.

Машина встала через десять минут.

– Вот черт! Сейчас посмотрю. На обочину надо откатить или минутное дело? А может, эвакуатор вызвать? Сейчас выясню. Ты посиди. Я быстро.

Он включил аварийку, взял с заднего сиденья теплый плед, закутал ей ноги. Потом вылез из машины, выставил знак аварийной остановки, открыл капот. Она откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Хорошо! Тепло... Олег хороший, он умный. А главное, надежный. Нечего бояться. Сейчас Олег все исправит, и они поедут дальше. Домой...

«Что нежной страстью как цепью я окован...»

В этот момент она обернулась. Большая черная машина, похоже, и не собиралась тормозить. Но там же знак аварийной остановки! Стоп – сигналы горят! Не видит он, что ли?! Удар! Любу подбросило вверх, натянулся ремень безопасности, потом голова ударилась о переднюю панель, и наступила темнота...

3

Нет, он был не пьяный. Ромео. Больше никому. Интересно, что ему написал Олег? Должно быть, разозлил. Люба наконец догадалась: Ромео следил за ними, следил давно, и там, на шоссе, решил свести счеты. Он ведь угрожал...

– Петрова, к тебе пришли! Принимай гостей!

Лучшая подруга влетела в палату, в руках авоська с яблоками и апельсинами, оранжевая кофточка натянулась на пышной груди, юбочка короткая, желтые волосы взбиты в пену. Сама маленькая, яркая, округлая, как апельсинчик. И амбре от нее такое сильное, сладко-сочно-фруктовое, что соседка по палате не выдержала, чихнула и сбежала в коридор. Люба невольно улыбнулась: Люська! В своем репертуаре!

Она всем любит пользоваться через меру: духами, косметикой, радостями жизни, эта никогда не унывающая Люська Самсонова! Неисправимая оптимистка. Люся, Люсенька, которую Апельсинчиком прозвали еще со школы. Неизменная Любина соседка по школьной парте все десять лет. Сначала Люську прикрепили к круглой отличнице Любе, чтобы хоть как-то училась, а потом их уже невозможно было друг от друга оторвать.

– Лежишь?

Люба вздохнула. Глядя на Люську, захотелось зажмуриться. Какая же она яркая и шумная! Прямо голова болит! Хочется ведь тишины, темноты и покоя. Лучше вечного.

– Лежишь? – грозно повторила лучшая подруга. И плюхнулась на стул. – Уф!

– Олег... – она всхлипнула и повторила жалобно: – Олег, Апельсинчик... И... ребенок...

– Ладно, – Люська махнула рукой. – Подумаешь: третий месяц! Там и не было-то еще ничего! Комок слизи! Считай, что легко отделалась.

– Как ты можешь такое говорить?! – возмутилась Люба.

– А что я говорю? Знаешь, сколько я в своей жизни сделала аборт? И на втором месяце, и на третьем, – затараторила Люська. – Дело житейское. Разок бы повезло, как тебе. Бац – и выкидыш. И к гинекологу бежать не надо. Мать твою, как же я их ненавижу! Самая вредная на свете профессия! Но мне все по барабану. Хоть пять машин на меня наедет! Выкидыш? Да не дожدهшься! Я в котлету, а брюху хоть бы что! Я прям создана для деторождения! Чего тарачишься? Мужика твоего, конечно, жалко, зато он тебе квартиру неплохую оставил, магазинчик в наследство. Слушай, возьми меня на работу, а? Ты теперь хозяйка.

– Люся!

– Что, опять не то говорю? Ну, давай выть вместе. Ты об своем, я об своем. Твой мужик помер, мой все равно что помер.

– Ушел? Опять?

От лучшей подруги постоянно уходили мужья или кандидаты в мужья. Люська – Апельсинчик никогда не расстраивалась, тут же находила нового мужчину и пользовалась у них бешеным успехом, хотя и была маленькой, пухленькой и удивительно некрасивой. Ноги кривые, но всегда – мини-юбка, глазки узкие, чуть раскосые, а косметики на веках и ресницах – тонна! И никаких комплексов! В Люськиных голубых глазах светился такой азарт, такое лихое веселье, что противоположный пол реагировал на это не менее активно, чем на длинные, стройные ноги очевидных красавиц. Вот и сейчас подруга махнула рукой:

– А... Добра-то! Ну что, успокоилась?

– Как Петька? – Люба имела в виду ее сына.

Один аборт Люська все-таки опоздала сделать. И слава богу! Как она тогда сокрушалась! Петькин отец – не подарок, дважды в тюрьме сидел, постоянно без работы, так что об алиментах лучше забыть. Люська тогда о стену билась лбом, причитая: как мы будем жить?! Но

отревев, сказала: минутная слабость. Зато теперь у нее замечательный сын. Услышав вопрос, Люська скривилась:

– Рыжий? У дедов. Опять в школе напакостничал, оболтус! Отправила погостить на недельку к предкам, в наказание.

– Ему или им? – вяло улыбнулась Люба.

– Конечно, им! Рыжему все с гуся вода. Он и там найдет где напакостничать. Но мне сейчас не до него. Надо же кому-то тебя с ложечки кормить?

– Ему же в школу оттуда ездить далеко! И кто его будет контролировать? Твои родители?

– Не развалятся. Жизнь, она, знаешь, движение. А то сидят, сериалы целыми днями смотрят. Я им такой сериал подкинула! Сыночка своего дорогого. Что ни день, то новая серия. То учительнице доску парафином натрет, чтобы мел не писал, то взрыв прямо на уроке устроит. Экспе... экспери... ментатор. Во! Химичка ему запретила на уроки приходить. Орала, как будто ее режут: «Только не в моей школе!» Ничего, рассосется. Это тебе не беременность.

Люба поморщилась: назло она, что ли? Все о детях да о детях. Но кроме Апельсинчика, у нее никого не было, и Люба тихо попросила:

– Люсенька, раз у тебя время есть, помоги мне.

– Ну?

– Надо срочно продать квартиру Олега.

– Да зачем еще?

– Я не буду там жить. Надо ее продать, и положить деньги в банк. Под проценты. Я плохо себя чувствую и не знаю, когда смогу теперь работать. А жить на что-то надо. У меня же практически нет никаких сбережений.

– Понимаю. А магазин?

– Я не буду этим заниматься.

– Понятно. За аренду, значит, платить не будешь, с налоговой разбираться не будешь. Нервная работа, а тебе это ни к чему. Ладно, я туда съезжу, поговорю. Разберемся.

В палату заглянула санитарка:

– Петрова? Сызнова к тебе.

– Кто еще? Я никого не жду.

Люська томно подмигнула:

– Му-у-ужчина.

– Какой еще...

А это и в самом деле был мужчина. Среднего роста, средней комплекции, в белом халате, наброшенном на толстый синий свитер, в темно-синих джинсах. Можно даже сказать, что симпатичный, потому что подруга вскочила и по-боевому расправила плечи, выставив вперед пышную грудь.

– Здравствуйте!

– Гражданка Петрова? Любовь Александровна? – спросил вошедший, обращаясь к лежащей на кровати женщине. На Люську он поначалу и не взглянул.

– Вы кто? – прошептала Люба.

– Из милиции. Капитан Самохвалов. Оперуполномоченный.

Он достал удостоверение, которое Люська тут же выхватила из рук симпатичного оперуполномоченного и стала рассматривать документ с нескрываемым интересом. Самохвалов в это время таращился на ее желтые волосы и оранжевую кофточку. Потом спросил:

– А вы-то, собственно, кто?

– Дед Пихто! Лучшая подруга, нянька, сиделка, шеф-повар и прочее и прочее. В общем, мы с ней – одно лицо!

Самохвалов соединил взглядом оба женских лица, одно обескровленное, с синяками под глазами, другое в полной боевой раскраске, и с сомнением покачал головой:

- Мне надо побеседовать с гражданкой Петровой. Наедине.
- Беседуйте, – подруга вернула удостоверение, ливнем обрушив на капитана Самохвалова сияние раскосых голубых глаз. Потом сладко зажмурившись, спросила:
  - А пистолет у тебя есть, капитан?
  - Что вы себе... э-э-э...
  - Обожаю мужчин с оружием! – воскликнула Люська и выпорхнула в коридор, зацепив-таки капитана плечиком и на мгновение прижавшись пышной грудью. Тот побагровел.
  - Подружка у вас, Любовь Александровна...
  - Не обращайтесь на нее внимания, – тихо сказала она. – Люся хорошая.
  - Да уж! – с чувством сказал капитан.
- Потом присел на теплый еще, после Люськиной пышной попы стул и уже согласно заранее написанному сценарию спросил:
  - Как вы себя чувствуете?
  - Плохо.
  - Понимаю. Сочувствую. – Он негромко кашлянул.
  - Что вам от меня надо?
  - Рассказать ничего не хотите?
  - Вы его нашли?
  - Кого?
  - Ромео.
  - Вы знаете, кто убил вашего мужа? – насторожился Самохвалов. – Ромео – это что, имя? Кличка?
  - Псевдоним.
  - Что значит псевдоним?
  - Ник. В Интернете. Он писал мне письма. Про любовь.
  - Ну и что?
  - Я с ним общалась. По электронной почте. И Олег... – Люба сглотнула. – Он следил за нами. Ромео. Скажите, что вы его поймали.
  - До кого поймали-то? Ник в Инете?
  - Водителя, который был за рулем той черной машины. Я не помню его лицо.
  - Сожалею, – капитан снова кашлянул. – Но...
  - Я не помню его лицо, – повторила она.
  - Водитель скрылся с места происшествия. Мы его, конечно, ищем, но...
  - А машина?
  - Машина осталась.
  - Это хорошая машина. Дорогая.
  - «БМВ».
  - Разве так трудно установить, кто ее владелец?
  - Не трудно. Тем более что он тут же заявил «бэху» в розыск. Машину угнали, а когда она попала в аварию, бросили на шоссе. Сожалею, – снова повторил капитан.
  - Но вы должны его поймать! Он не успокоится! Он все равно будет меня преследовать!
  - У вас, кажется, сотрясение мозга? – спросил Самохвалов. – И как самочувствие?
  - Вы думаете, я помешалась? Я даже в милицию хотела звонить, когда получила то последнее письмо. От Ромео. С угрозой, что он сам избавит меня от мужа. Я уверена, что это он был за рулем черной машины, которая врезалась в наши «Жигули». И я уверена, что знаю его. Я видела его лицо. Просто не помню его. Почему-то не помню.
  - Вот что, Любовь Александровна, вы для начала успокойтесь. А я, пожалуй, завтра зайду. Вы к психиатру обращались? – не удержался он.
  - Я сама психолог!

– Бывает. Перемудрили, раз у вас работа такая.

– Но вы должны как можно скорее его поймать!

– Должны, – охотно согласился капитан Самохвалов. – Хотя я с самого начала был уверен, что дело это – очередной «глухарь». А теперь еще и вы не в себе. Единственный человек, который может хоть что-то вспомнить. Ценный свидетель. Потому что, когда в ваши «Жигули», стоящие на шоссе, врезался черный «БМВ», Петров Олег Анатольевич, сорока трех лет от роду, был уже мертв. Экспертиза это показала.

– Как это мертв? Он машину чинил!

– Пулевое ранение в голову. Судя по всему, стреляли из проезжающего мимо автомобиля. Раз выстрела вы не слышали, то пистолет был с глушителем. Картина, в общем-то, ясная. Вы остановились на шоссе, ваш муж открыл капот, начал устранять неисправность, в это время раздался выстрел, убийца проехал мимо, вы, естественно, не обратили на него внимания, потому что за поднятым капотом не видели, как Олег Анатольевич упал. Скорее всего, ткнулся лицом вниз. И примерно в это же время сзади в вашу машину врезался угнанный «БМВ». Тело Петрова отбросило в сторону. Видимо, парень за рулем не заметил знак аварийной остановки. Или был пьяный. Найти его, конечно, надо. Но важнее найти того, второго. Который стрелял. Но я почему-то думаю, что и то и другое безнадежно.

– Почему? – тихо спросила она.

– Похоже на заказное убийство, – охотно пояснил капитан Самохвалов. – А их очень сложно раскрыть, если работал профессионал. Ваш муж бизнесом, кажется, занимался?

– Это был очень маленький бизнес! Небольшой магазинчик бытовой техники. Олега не могли за это убить!

– А долги? Были у него долги?

– Кажется, он все, что был должен, отдал.

Самохвалов тяжело вздохнул:

– Я это выясню. И зайду к вам завтра. Или послезавтра. В общем, зайду. А вы постарайтесь вспомнить, какая машина проезжала мимо после того, как вы остановились на шоссе.

– Их много проезжало! И все они меня не интересуют. Я не верю в ваши экспертизы. Олега обещали убить и убили. Я по-прежнему уверена, что за рулем «БМВ» был Ромео.

– Да хоть Гамлет. Простите. Угон машины и наезд тоже, конечно, дело серьезное. Вам кто-то должен компенсировать убытки...

– Я просто хочу жить спокойно! – резко оборвала его Люба. Убытки?! Да он просто... – У меня горе, мне надо это пережить, – сказала она после паузы. – И я не хочу ходить по улице, постоянно оглядываясь и боясь то ли выстрела в спину, то ли очередной машины, которая меня собьет.

Самохвалов поднялся:

– А вы не спешите выписываться, Любовь Александровна. Полечитесь.

– Вы все еще думаете, что у меня паранойя, – грустно усмехнулась она. – Но он существует. Он ждет очередного удобного случая.

– До свидания, – капитан пожал плечами и направился к выходу.

Люба невольно вздохнула: не убедила. Люська влетела в палату лишь минут через десять после того, как ушел капитан Самохвалов. Поправила пышную прическу и облизнула губы:

– С оперуполномоченным немного поболтала. В свидетельницы набивалась, извини. Какой интересный мужик!

– Обычный.

– Не удивляюсь, почему ты так поздно замуж вышла! Не теми глазами ты смотришь на мужиков, Любка. Обычный! Да он просто лапочка! А глаза синие! И пистолет! – восторженно звывала Люська. – Большой, сильный мужчина...

– По-моему, он невысокого роста.

– По мне, лилипутке, любой мужик – Геракл! Ты мне его отдаешь?

Она умоляюще сложила руки перед грудью:

– Ну, пожалуйста!

– Люся! Он расследует убийство Олега!

– Тогда, чур мое! Без ссоры, без спора. Договорились!

– Люся, я устала. – Она закрыла глаза. Все-таки Людмила в больших дозах непереносима.

Шумная очень.

– Ладно, лежи. Я все сделаю. И с магазином, и с квартирой. Движение – жизнь. Полетела.

Пока.

– У меня никого нет, кроме тебя, – говоря это, Люба почему-то смотрела не на подругу, а в окно. В небо, синеющее поверх накрахмаленных занавесок. – Спасибо.

– Да пока не за что. Увидимся!

Благоухающий Апельсинчик покатился к дверям, едва не сбив с ног вошедшую в палату Любину соседку. Та сразу же бросилась открывать форточку.

– Духами-то разит! Ну и подружка у тебя!

– Да вам-то что? – с неожиданной злостью ответила Люба.

Соседка посмотрела на нее с недоумением. Покачала головой: надо же! А на вид такая культурная дамочка! Любе же хотелось зареветь. Весна на дворе, а жизнь... Жизнь закончилась! Ее, Любина жизнь.

Ее все начало раздражать. Главное, люди. В том числе и энергичная подруга, которую волей-неволей придется терпеть. Потому что с делами надо разобраться как можно скорее. И остаться одной, в маленьком, огороженном высокой стеной мирке. И никого туда больше не пускать. Никого и никогда.

Глава 2

Виртуальная жизнь

1

Все устроилось месяца через полтора. Двухкомнатная квартира мужа была выставлена на продажу. Риелтор сказал: как только, так сразу. Проблема, мол, в ребенке от первого брака. Надо как-то его обойти. Люба испугалась: ей не хотелось проблем с законом. Но поскольку до дележа наследства было еще далеко, никаких мер она не предприняла. Наследство дело такое: претенденты всегда найдутся.

Зато Любу ждал приятный сюрприз: незадолго до смерти Олег передал ей в собственность магазин. Каким-то образом оформил все на жену. Надо же! А ей ничего не сказал! Словно чувствовал беду, но, как всегда, промолчал. Жаль, что с квартирой не так. Потом Люба устыдилась этих мыслей. А как же его ребенок? Он тоже имеет право на наследство. Больше, чем она, вдова. У нее ведь есть квартира, а что там с этим ребенком, кто знает? Олег о нем почти никогда не рассказывал. Даже пол не называл. Говорил уклончиво: мой ребенок.

Бизнес же при помощи пронырливой Люськи был вскоре ликвидирован, а деньги положены на счет в банке. С него отчислялись ежемесячная плата за коммунальные услуги, свет, телефон и за неограниченное пользование Интернетом. Из дома выходить Любе не хотелось. Кроме повышенной чувствительности к дневному свету и сильных головных болей, она неожиданно обнаружила у себя признаки агорафобии: боязни открытого пространства. В однокомнатной квартире, где прошло детство, Люба чувствовала себя более или менее сносно. Выйдя же из подъезда и не обнаружив вокруг спасительных стен, терялась и пятилась обратно в темноту, пахнущую мочой и кошками. Дыхание затруднялось, создавалось такое ощущение, будто на грудь положили свинцовую плиту. Люба поспешно поднималась по лестнице на свой третий этаж и, как черепаха панцирь, натягивала на себя тридцать квадратных метров замкнутого пространства, захлопывая дверь и накидывая изнутри цепочку. Прислонившись спиной к входной двери и чутко прислушиваясь к звукам за ней, Люба ощущала, как постепенно выравнивается пульс и восстанавливается дыхание. Опасность миновала. Отпустило.

Люба ненавидела и смертельно боялась того человека, который влез в ее жизнь, словно слон в посудную лавку, передал и переломал все, что мог, и замер в ожидании самого лакомого блюда. Вряд ли Ромео отступит. Зачем он это сделал? Непонятно. Скорее, он просто безумец, маньяк. А от маньяка можно ожидать чего угодно.

Из-за него Люба боялась теперь выйти даже в магазин. Что ему мешает снова угнать машину и завершить начатое? Ведь не только Олега он хотел убить, но и ее тоже. Видел, что она сидит в машине, и не остановился. Значит, хотел. Поначалу Люба боялась не столько смерти, сколько новой боли и страданий. А потом верх взяли инстинкты, основной из которых – желание жить. И она жила, если это можно назвать жизнью. Ждала, когда затянутся раны, главное, душевные. И когда расследование сдвинется с мертвой точки.

Продукты ей приносили из магазина, по заказу, сделанному через Интернет, но все время что-то путали, портили или просто опаздывали. Люба не спорила, не торговалась, молча платила деньги, потом вынимала из пакета яйца, два из которых неизменно оказывались треснутыми, растаявшее мороженое и недозрелые помидоры, раскладывала все это в холодильнике и вздыхала. Есть все равно не хотелось.

В конце второго месяца Любиного добровольного затворничества в квартиру влетела Люська, волосы которой теперь были выкрашены в оранжевый цвет, плюхнула на кухонный стол огромную хозяйственную сумку, в которой что-то звякнуло, и, переведя дух, сказала:

– Еле донесла.

– Что это?

– Еда!

Люська по-хозяйски распахнула дверцу холодильника:

– Фу-у! Чем это так отвратительно пахнет? Плесенью, что ли? Нет, это уж точно не еда!

Где взяла? Неужели в магазине? И сама выбирала?

– Заказала по Инету. Я не могу из дома выйти. Боюсь.

– Дура! – тряхнула оранжевыми кудрями подруга. – А деньги кончатся?

– Пойду и сниму со счета. Вместе с тобой. Не откажешь?

– И кого ты так боишься, если тебе охрана нужна? – прищурилась подруга.

– Вы мне все равно не верите.

– Кто это мы? – уставилась на нее Люська. – Ах, ты о синеглазом капитане... – томно протянула она. – А знаешь, он прав. Мужика твоего за деньги уколошили. Олег мне с самого начала...

– Замолчи! – резко оборвала ее Люба. – Что у тебя за привычка: лезть, куда не просят?

– Подумаешь! – Люська фыркнула, но долго дуться она не умела. Спросила сочувственно: – Не надоело тебе?

– Что?

– Такая жизнь, вот что. Ты на поганку бледную похожа. Как ни позвоню – все время занято. Телефон, что ли, отключаешь?

– В Интернете сижу.

– Где?!

– Ты что, телевизор не смотришь?

– Смотрю. В свободное от работы и от Петьки время.

– А спрашиваешь, что такое Интернет! Да каждая собака знает!

– И я знаю. Что я, тупая? Ты мне скажи, почему я до тебя дозвониться не могу? Ты хоть мобильник включи!

– Зачем он мне? – равнодушно спросила Люба.

– Уж мобильник-то поважнее, чем Интернет!

Люба вздохнула. Это кому как. А если Ромео узнает номер и начнет названивать и пугать? Письма можно не читать, но куда деваться от телефонных звонков? Не брать трубку? Да и не нужны сейчас Любе никакие звонки.

Меж тем подруга вынула из сумки эмалированную кастрюлю, красную, в белый горошек, и с грохотом поставила ее на плиту:

– Мясо тушеное. С овощами. Морковка обжаренная, лучок, картошечка. На чистом сливочном масле.

– Спасибо. Я не хочу есть.

– А пить?

Подруга торжественно водрузила на кухонный стол бутылку мартини. Подмигнула заговорщицки:

– Презент. Оцени.

– У тебя новый мужчина, Апельсинчик?

– Новый. Из старых. Так, перекантоваться какое-то время. Ни рыба ни мясо, просто фрукт недозревший. Все цветет и пахнет, а с ветки не падает. В загс, говорю, не идет, сволочь.

– Тебе что, муж нужен?

– Мне нужна его зарплата. Петька без зимних ботинок, папаше зубы надо вставлять. Вставишь ему зубы – продукты таскать замучаешься. Пока он кашку манную кушает и не жалуется, а там колбаски захочет копченой и салца. Так что у меня план-график на год, а денег ни шиша. Но не брошу же я их? Так что, подружка, мужик мне по-любому нужен, – она тяжело вздохнула и поинтересовалась: – А как там наш капитан? Вот интересно: какая у ментов зарплата?

– Не знаю. Если взятки не берут, то, наверное, маленькая.

– А если берут, то либо вытурят, либо посадят. Тоже не вариант. Но его можно потом куда-нибудь пристроить, – прикинула Люська. – Главное, что он лапочка. Неужто не заходил?

– Я адреса своего не оставляла.

– Он же из милиции! Думаешь, адреса твоего не знает? – рассмеялась Люська. – Взяла бы да сама ему позвонила. Как, мол, там расследуется дело об убийстве моего дорогого супруга? Сиж, несчастная вдова, безутешная, вся в расстроенных чувствах, скучаю. Учить тебя надо!

– Не надо. Я не скучаю. И потом: ты же сказала, что имеешь на него виды.

– Передумала, – быстро ответила Люська. – Тебе оставляю. У меня такого добра! А ты из дома выйти боишься. На твоём горизонте мужика другого нет. Бери этого. Я добрая. Только сиднем не сиди. Действуй!

– Да никого мне не надо! – возмутилась Люба.

– Опять будешь принца полжизни ждать?! И дождешься: все твои женихи, Любка, вымрут, как мамонты!

– Люся, ты можешь думать о чем-нибудь кроме мужчин?!

– А зачем?

– Затем, что не в этом смысл жизни.

– Вот как? – Люська хлопнула густо накрашенными ресницами. – А зачем же ты тогда замуж вышла?

– Не хочу я говорить про Олега!

– Я хочу! За что-то же его уколошили? В твоего придуманного Ромео я не верю, хочешь обижайся, подруга, хочешь нет. Это чей-то розыгрыш. Нету такой любви. Нынче письма не пишут, познакомились, в кабаке он тебя сводил – и в койку. Кому как не мне это знать! А в то, что муженек твой кому-нибудь насолил, я верю охотно. Сволочь он был. И жадный.

– Он умер, Люся, – беспомощно прошептала она.

– Его убили. А это вещи разные. Ты вспомни, Люба, что он тебе купил? Кроме обручального кольца?

– Я и не просила.

– Настоящий мужик этого и не будет дожидаться. Просьб. Когда женщина просит, она унижается. Любящий мужчина унижения не допустит, если женщина ему в самом деле дорога. Петров потому и женился на тебе, что знал: ты просить ничего не станешь. Осчастливил девку засидевшуюся, колечко на палец надел – ей и того довольно. Я думаю, что твой Олег драгоценный и кредитору денежки зажал.

– Неправда! Он отдал долги!

– Ха! С каких барышей?

– Не знаю.

– Ничего ты про него не знаешь. А он молодец. Нашел себе дуреху. Он даже тебя заставил деньги зарабатывать. Беременную.

– Ты тоже своих кавалеров кормишь и поишь, – огрызнулась наконец Люба.

– До поры до времени. И не стесняюсь поинтересоваться их биографией. А ты даже не знаешь, сколько у твоего мужа было детей!

– Знаю. Один. О других Олег не говорил.

– Я бы на твоём месте встретила с его бывшей женой.

– Никогда!

– Правильно: дело прошлое. Вам делить больше нечего. Хорошо бы она вообще не знала о том, что Петров умер. Наследство бы делить не пришлось.

– Люся!

– Потому что ты все отдашь, если тебя попросят. Ты, Люба, непрактичная. Позвони капитану. Телефончик дать?

– Откуда он у тебя?

– Записала. Недаром же я с лапочкой десять минут в коридоре стояла!

– Нет. Не надо.

– Значит, он сам придет, – рассудила Люська. – Убийцу-то ему искать надо. От судьбы, Люба, не уйдешь. А что-то мне подсказывает, что вы с капитаном друг другу подходите... Выпьем? – Люська энергично начала открывать бутылку мартини.

– Не хочу.

– Не хочешь за дружбу, давай за помин души твоего Петрова. Сволочь он был или не сволочь, это пусть теперь Господь разбирает. Что присудит, тому и быть. А мы его помянем. Олега Анатольевича.

– Наливай, – вяло сказала она.

И всхлипнула. Как несправедливо! Мужа убили, теперь лучшая подруга пытается отнять и хорошие воспоминания о нем. Олега убили не из-за денег, а из-за нее, Любы. И какая разница, сколько у него было детей?

– Ну что сидишь? – подняла свою рюмку Люська. – Пей!

– Спасибо тебе, – вздохнула она, выпив мартини. – Хотя у тебя и странный способ возвращать людей к жизни, вызывая в них обиду и раздражение, все равно: спасибо. Злость тоже чувство.

– Тогда давай еще! – и подруга вновь принялась разливать мартини.

От спиртного появился аппетит. Люська готовила вкусно, хотя в ее стряпне всего было чересчур: и масла, и специй, и продуктов. Но управлялась она с ними мастерски. И в жадности Апельсинчика нельзя было упрекнуть, отсюда и неприязнь к Олегу Петрову. Уж очень разные они были люди...

2

Виртуального открытого пространства Люба не боялась. В любой момент можно было поставить между ним и собой невидимую, но прочную стену, щелкнув мышкой на крестик. Щелк – и закрылось окошко. Два щелчка – и открылось другое. Не нравится тема – смени. Не нравится сайт – не посещай. Мир, в котором можно придумать себя. Умной, сильной, красивой. Сделать коллаж – ноги от одной, лицо от другой, грудь от третьей. Немного поработать – и вот тебе женщина, которой и не было никогда, а кто-то думает, что есть. Хотите фотографию? Пожалуйста!

Люба не замечала, что просиживает в Интернете целыми днями, время просто летело: едва взошло солнце – и вот он, закат! Как здорово! Возможности виртуального мира были безграничны. Там велась бурная торговля всем, начиная от пачки сигарет и кончая сексуальными услугами, люди знакомились друг с другом, прячась под никами, занимались виртуальной любовью, вели активную переписку или пустой треп, зарабатывали деньги, тратили их либо просто убивали время. Кому что.

Люба пока убивала время. Она еще не задумывалась о своем будущем. Да, когда-нибудь ей понадобятся деньги, потому что накопления закончатся. Но есть квартира Олега. Через какое-то время ее продадут, и деньги вновь появятся. Правда, есть еще один наследник. Но и с этим как-нибудь разберутся. Прежде чем пойти работать, Любе надо справиться с головной болью, светобоязнью, со своими страхами, а времени на это может уйти много.

Ее никто не беспокоил, кроме посыльных из магазина, по-прежнему доставляющих продуктовые заказы. Аккуратно укладывая в чашку очередное треснувшее яйцо, Люба утешала себя тем, что это когда-нибудь пройдет. И страх, и бесцельное, пустое существование. И она сможет наконец выйти на улицу, купить свежее испеченного хлеба, ароматного, с хрустящей корочкой и сочные спелые персики. Не деревянные, как ей приносят по заказу.

Когда позвонили в дверь, она подумала, что это очередной курьер из магазина. Потом спохватилась: «Я ничего сегодня не заказывала». Она подошла, прислушалась к звукам за дверью, потом долго разглядывала в глазок мужчину, переминающегося с ноги на ногу на лестничной клетке. Лицо его было Любе знакомо, но от страха она никак не могла сообразить, кто бы это мог быть? Не посыльный. Не из ЖЭКа. Но кто тогда?

Потеряв терпение, он позвонил еще раз. Люба вздрогнула и пролепетала:

– Кто там?

– Вы дома, Любовь Александровна? Черт, конечно же, дома, раз стоите за дверью! Откройте же мне!

Она испугалась и отпрянула от двери. Он снова позвонил, на этот раз зло, нетерпеливо.

– Кто там? – глупо повторила она.

– Это я.

«Он!» Сердце екнуло. На лбу выступили капельки пота, дыхание участилось. Люба вновь попыталась вспомнить лицо человека за рулем большой черной машины, которая летела прямо на нее. Ведь она его видела! И такое ощущение, что не в первый раз!

– Любовь Александровна, откройте!

Еще раз заглянув в глазок, она увидела раскрытое удостоверение: уголовный розыск. Замерла, раздумывая, открывать или не стоит? И вдруг с той стороны к стеклышку прижался человеческий глаз. Зародыш чудовища. Нечто отвратительное и безобразное. Так ей показалось. Глаз моргнул. Она вскрикнула.

– Это капитан Самохвалов, – послышалось из-за двери. – Откройте, наконец!

Она попыталась справиться с замком. Руки тряслись. Наконец Люба открыла, цепочка тут же натянулась. Самохвалов нетерпеливо потряс входную дверь, раздался металлический звон. Отцепляя дрожащими руками цепочку, Люба жалобно сказала:

– Вы меня напугали.

– Чем?

– Глаз.

– Что?

– Ваш глаз. Которым вы прижались к двери. К глазку. Нарочно, да?

– Нервы у вас ни к черту, Любовь... э-э-э... Александровна. Говорил же: не торопитесь выписываться из больницы. – Он спрятал в карман удостоверение и шагнул в прихожую. – И почему телефон все время занят? Дозвониться до вас невозможно!

– Я целыми днями сижу в Интернете.

– ...?

– Интернет. Это...

– Да знаю, – махнул рукой капитан Самохвалов. – А почему мобильник отключен?

– Мне этого не нужно.

– С ума сойти! Прячетесь, значит? А от кого?

– В комнату проходите, – не ответила она. – Можно не разуваться.

Капитан Самохвалов прошел в комнату и уселся на стул, который под ним жалобно скрипнул. Мебель в Любиной квартире была старой, советских еще времен.

– Да, тесновато, – вздохнул Самохвалов. – А квартиру мужа, значит, продаете. Похоже, вместе с мебелью? А зачем? Там ведь мебель поновее будет. Или я не прав?

– Как ваши успехи в расследовании? – Она лихорадочно вспоминала, что имеется в наличии, кофе или чай? Или ему минералки предложить?

– Это у вас такая привычка: отвечать не на вопросы, а на свои мысли? – ухмыльнулся он.

– Извините.

– Ничего. Давайте поговорим об убийстве вашего мужа, я не против. Да с самого начала было понятно, что «глухарь»! – в сердцах сказал капитан. – У меня работы хватает. Закроем за неустановлением, и дело с концом. Мне, конечно, по шапке дадут, да и черт с ним. Одним выговорешником больше, одним меньше...

– Зачем же тогда пришли?

– Вот вы говорите, что ваш муж перед смертью отдал все свои долги...

– Кофе, чай?

– А что есть?

– Кажется, кофе.

– Давайте.

– Нет, чай.

– Все равно.

– Минералка есть точно.

– Да давайте уже что-нибудь! Любовь Александровна, вы меня все время прерываете!

Похоже, вы вообще не слышите, о чем я говорю!

– Я слышу, – тихо сказала она. – Просто я вас боюсь.

Он уставился на нее с откровенным удивлением.

– Меня-то за что?

– Вы хотели сказать, почему?

– Как же с вами сложно! Ну, хорошо, несите чай. Просто воды. Идите на кухню, подышите. А я подожду.

– Не хотите пока заглянуть на какой-нибудь сайт?

– Куда?

– Автомобилями не увлекаетесь?

– Я, между прочим, на службе.

– Но скучно же просто сидеть и ждать. Или вы не разбираетесь в компьютерах?

– Вы уж совсем за дурака меня держите, – разозлился он. – Кто в них сейчас не разбирается? Но машины я смотреть не буду. Я вас тоже боюсь.

Теперь она посмотрела на него с огромным удивлением:

– А почему?

– Вы же психолог. Я тачки начну смотреть, а вы мне диагноз рисовать. Определять по типу кузова автомобиля мой характер. К примеру, мне нравятся длинные...

Люба до ушей залилась краской, а он испуганно замолчал. Потом почесал затылок:

– Да, ляпнул. Извините. Вы ничего такого не подумайте.

Она подошла к компьютеру, пощелкала мышкой, закрыв все окна, потом открыла свою любимую игру «Лайнс».

– Смотрите: это шарики. Семь цветов. Надо выстроить в линию шарики одного цвета. По пять. Тогда они исчезнут, а у вас появятся очки. Можно выстраивать их и по прямой линии, и по диагонали. Мышкой щелкнуть на шарик, потом на пустую клетку, в которую вы хотите его переместить... Понятно?

– Не тупой, – буркнул он, садясь за компьютер. – Чего тут хитрого? – Он с энтузиазмом зашелкал мышкой.

– А я пойду поставлю чайник.

Ей и в самом деле нужна была пауза. В квартире чужой. Люба налила в чайник воды и подошла к окну, ожидая, пока он закипит.

В пакетиках оказался все-таки кофе. Люба, не торопясь, сделала несколько бутербродов с черствым хлебом и наполовину засохшим сыром, высыпала в вазочку остатки печенья и несколько конфет. Когда чайник закипел, заварила кипятком растворимый кофе, расставила все на подносе и понесла в комнату. Капитан с увлечением клацал мышью, воюя с разноцветными шариками.

– Вот зараза! И почему это они выскакивают всегда там, где не надо?

Она вдруг заметила, что уши у него торчат. А на макушке вихор. Волосы светлые и, кажется, очень мягкие. Мальчишка. Улыбнулась невольно:

– Сколько вам лет, капитан?

– Тридцать. Почти.

Он обернулся и вдруг смутился. Какое-то время они смотрели друг на друга, словно знакомились. Будто это была их первая встреча. Люба первой отвела взгляд на поле, заполненное разноцветными шариками:

– Все уже. Зажали. Конец игре.

– А что это здесь за цифра под надписью «Люба»?

– Мой рекорд.

– Полторы тысячи?!

– Это не очень много.

– Да я и сотни не набрал! У меня на работе тоже есть игрушки. Но не такие.

– Стрелялки-догонялки? – улыбнулась она. – Пять уровней, восемь жизней. Сколько у вас осталось, капитан?

– Э-э-э... – он явно хотел соврать, чтобы покрасоваться.

– А у меня ни одной, – отрезала она. – Вот кофе. Что вы там хотели у меня спросить?

Он сразу же сделался серьезнее и старше. Даже уши как будто прижались и не казались теперь оттопыренными, а мальчишеский вихор на макушке перестал бросаться в глаза. Мужчина.

– Насчет денег. Вы вообще в курсе, на какие средства Олег Анатольевич купил, например, свою двухкомнатную квартиру?

– Получил от государства, наверное, – пожала она плечами.

– А вот и ничего подобного! Ту, которую он получил от государства, оттяпала при разводе его первая жена. Олег Анатольевич не стал с ней судиться, ушел, собрав чемодан, как благородный человек. Или понял, что ничего не обломится. И с тех самых пор менял место жительства очень часто. Скитался по частным квартирам. Занимался мелким предпринимательством, но ему не очень везло. А квартиру он купил не так уж и давно. Два года назад. Не знаете, при каких обстоятельствах?

– Нет.

– Как же так?

– А вот так. Квартирный вопрос мы не обсуждали, – отрезала она.

– А знаете, где ваш муж до этого работал?

– До чего?

– До того, как открыл собственный магазинчик бытовой техники?

– Где?

– В интернет-кафе. Был его совладельцем.

– Ну и что? Это криминал?

– Нет, не криминал. Криминал был, когда в один столичный коммерческий банк, не буду его называть в целях неразглашения конфиденциальной информации, влез хакер. Не в сам банк, разумеется, а в базу данных. Так это, кажется, называется?

– Я не специалист в компьютерной терминологии.

– А я тем более. Я просто мент. В ГУВД есть специальный отдел по борьбе с преступлениями в области высоких технологий. Отдел «Р». Так вот его сотрудники проводили расследование, и следы привели в интернет-кафе, совладельцем которого какое-то время являлся ваш супруг. Хакер, взломавший банк, «работал» оттуда. По телефонному номеру вычислили. Только народу в то кафе каждый вечер приходило много. Поди догадайся, кто именно это был? Со счета в банке исчезла кругленькая сумма, убытки списали на хакера. А ваш муж после этого забрал свою долю из интернет-кафе, завязал с виртуальными делами и купил себе неплохую двухкомнатную квартиру. Потом открыл магазин бытовой техники.

– Олег – хакер?! – Она чуть не рассмеялась. – Да, он хорошо разбирался в компьютерах, но не настолько, чтобы взломать какой-нибудь сервер. Олег был просто продвинутый пользователь. Он ничего не смыслил в программировании.

– Поэтому ему никаких обвинений и не предъявили. Все в один голос утверждали, что он этого сделать не мог. Тут нужен определенного рода талант, а у Петрова Олега Анатольевича его не было. Все это знали. Значит, не он взломал банк. И, представьте себе, Петрова отпустили с миром. Куда делись деньги, никто так и не узнал, но история темная. И ваш муж к ней имеет непосредственное отношение. Я в этом уверен.

– Какое же?

– Это я еще выясню, – самодовольно сказал парень, десять минут назад безуспешно сражающийся с разноцветными шариками. Люба снова подумала, что он еще мальчишка. К тому же хвастливый и не очень умный.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Станислав Вла... А чего это мы на «ты» уже перешли?

– Если ты собираешься регулярно сюда ходить и расспрашивать про моего мужа, то давай друг к другу привыкать. А я вижу, что ты именно это намерен сделать. Поймать хакера, абсолютно не разбираясь в компьютерах.

– Вы смелая женщина, да? И опытная, – ухмыльнулся он.

– Не очень смелая и совсем не опытная. Но разница в возрасте в мою пользу. Я старше.

– Скажите пожалуйста!

– И умнее.

– С чего бы это?

– А шариковый рейтинг? – Она встала и подошла к столу, за которым он сидел.

– Ну это мы еще посмотрим! Я ж в первый раз. К тому же вы какого-то Ромео боитесь, дверь никому не открываете, а я этих Гамлетов знаете сколько уже задержал?

– Сколько?

– Достаточно. – Он самодовольно задрал подбородок и посмотрел на нее снизу вверх. Глаза у него были наглые, синие. И все равно – мальчишка.

– И оружие у тебя есть? – невольно улыбнулась Люба.

– Как положено.

– С собой?

Капитан Самохвалов выразительно похлопал по карману полинявшей джинсовой куртки, которую так и не снял, зайдя в квартиру.

– О комплексах не хочешь поговорить?

– О каких еще комплексах?

– Разве ты не знаешь, что я психолог? Допустим, Ромео ты не боишься, а зачем тогда пистолет? Для самоутверждения?

– Если будем хамить, я вас в отделение милиции вызову.

– А я не приду.

– Тогда повестку. Потом принудительный привод.

– Раньше я, как и всякая хорошая девочка, боялась милиции, – задумчиво сказала Люба. – А теперь... Можете принудительно, мне все равно... Потому что я знаю, чего на самом деле надо бояться. Извини, но не тебя. Я ничего не знаю о делах Олега, – твердо сказала она. – И про его работу в интернет-кафе слышу сегодня впервые. У него не было врагов, не было долгов, не было замужних любовниц, за связь с которыми могли бы убить ревнивые мужья.

– А незамужних?

– Послушайте, Станислав...

– Вы хорошо знали мужа?

«А вот вы плохо знаете собственного му-жа...» – вспомнила вдруг Люба. Видимо, есть человек, который знал его гораздо лучше, чем она, но встретиться с ним – значит подвергнуть свою жизнь опасности. А Олега теперь все равно не вернешь.

– У него не было любовницы, – спокойно ответила она. – И если его убили выстрелом из пистолета, да еще с глушителем, то я понятия не имею, кто бы это мог сделать. И за что. Враг у Олега был только один – Ромео. Но в его существование вы не верите.

– Мы что, опять на «вы»? – прищурился Самохвалов.

– Вы – это ты и моя подруга.

– Эта прибабахнутая? С которой я в больнице столкнулся?

– Почему прибабахнутая? – удивилась она.

– Озабоченная. И жутко одетая. Я уж не говорю о ее волосах! Хотя, если она тоже не верит в вашего интернет-любовника, значит, не такая уж и дура. Как он, говорите, с вами общался, этот Ромео?

– Присылал сообщения на мой электронный адрес. Последние были с угрозами.

– Виртуальный маньяк – это что-то новенькое! Мужики меня засмеют. Письма с угрозами, значит... И где они?

Самохвалов посмотрел на экран монитора:

– Покажите.

– К сожалению, я их не сохранила. Удалила, когда переехала сюда. Не хотела вспоминать о прошлом.

– Тогда как доказать, что вашему мужу кто-то угрожал? И потом: сами себе вы можете послать письмо по электронной почте?

– Могу. Теоретически. Но... зачем?

– Главное, что вы это можете. Поэтому преследования, как вы говорите...? Ромео? Вполне могут оказаться выдумкой. Пустышкой, как и весь этот ваш виртуальный мир. Сплошные придумки. И как нам ловить этих ваших виртуальных маньяков, если они и в самом деле существуют?

– Учитесь. Ловите за виртуальную руку. А на кнопку не надо так сильно давить, Стас.

Люба взяла его руку, положила ее на мышку и накрыла своей ладонью. Мизинец на мизинце, указательный палец на указательном, большой на большом. Чуть-чуть надавила на кончик указательного пальца Стаса, клацнула кнопка, открылась игра.

– Это не курок «макарова», – с улыбкой сказала она. – Нежно.

Снова щелкнула кнопка. Его рука сделалась горячей и влажной. Люба снова слегка надавила на ноготь мужского пальца подушечкой своего:

– А теперь два раза. Очень быстро. Щелк-щелк. Расслабь кисть. Что она у тебя как деревянная?

Ее шею что-то приятно щекотало. Волосы, мягкие светлые волосы. Торчащий вихор на макушке у Стаса был аккурат под Любиным подбородком. Она почувствовала запах детского мыла, хотя кто сейчас моет им голову, когда полно всяких шампуней? Это галлюцинация, запретный запах из самых глубин ее памяти. Тот самый, замыкающий цепочку ассоциаций: мужчина, муж, поцелуи в темноте, сначала торопливые, потом глубокие, до обморока, и пьянящее ощущение счастья, яркий свет по утрам не режет глаза, а вызывает желание петь. А в ванной комнате пахнет детским мылом. Врач в женской консультации отрывает взгляд от монитора и смотрит на Любу с улыбкой. В животе бьется еще один пульс...

Щелк-щелк...

– Я, пожалуй, пойду, – Стас кашлянул, пытаясь вернуть прежний тембр внезапно севшему голосу.

– Да-да, – Люба отстранилась и убрала свою руку.

Он по-прежнему сидел, словно приклеенный, перед монитором. Рука так и лежала на мышке.

– Идите, капитан Самохвалов, – официально сказала она.

Он торопливо поднялся. Она не успела отойти и невольно оказалась в его объятиях. Какое-то время они стояли, словно оглушенные, потом он опустил руки, отошел на шаг и пробормотал:

– Извините.

– Ничего, – смутилась она.

– Так я могу продолжать свое расследование?

– Да, конечно. И вы меня тоже извините. Я немного не в себе после смерти мужа.

– Понимаю. До свидания.

Наваждение прошло. Детским мылом больше не пахло.

Захлопнув за ним дверь, Люба вернулась в комнату, села за компьютер и, вспомнив «урок компьютерной грамотности», громко рассмеялась. Впервые за последние полтора месяца. Вспомнила, как прижалась к молодому, привлекательному (Апельсинчик была права) мужчине, манипулировала его рукой, предлагая расслабиться. Люська бы подругой гордилась! Пожалуй, никому еще не приходило в голову соблазнить мужчину при помощи компьютера!

«Ничего подобного не было! – рассердилась на себя Люба. – Я просто помогаю капитану Самохвалову в его расследовании».

3

Визит Стаса вывел Любу из оцепенения. И он, и Апельсинчик были такие деятельные, земные. Все время от нее чего-то хотели. Ее виртуальной жизни они не понимали, и оба твердили, что покойный Олег Петров что-то скрывал от своей жены.

Люба упорно не хотела в это верить. У них с Олегом была любовь, он влюбился в нее с первого взгляда, просто не умел красиво об этом говорить, характер такой. А теперь Олег умер. А ей надо жить дальше, надо что-то делать. Работа спасает ото всего. Мучая себя воспоминаниями, ничего не изменишь. Люба сама не раз пыталась объяснить это своим пациентам, приходившим с похожими проблемами. Иногда это получалось сразу, и люди уходили успокоенными, иногда Любе требовалось поговорить с ними еще раз и еще.

И она попыталась собраться. Это ведь важно: ее пациенты! Те, с которыми она начала работать, да так и не закончила. Может, стоит к этому вернуться? Съездить на прежнее место работы, попроситься обратно. Ее поймут, если рассказать все, как есть. Люди не звери, и работодатели тоже. Надо попробовать...

Пришлось выйти на улицу. Первые несколько шагов дались Любе относительно легко. Головная боль в последние дни утихла, но солнечный свет по-прежнему резал глаза. Пришлось надеть солнцезащитные очки. Раньше она их не носила. Не нравилось. Но к ним, как и ко всем новым реалиям ее жизни придется привыкать.

Выйдя из подъезда, Люба неуверенно огляделась. В маленьком, уютном дворике росло много деревьев, ветра сегодня не было, и живая зеленая стена создавала иллюзию замкнутого пространства, такого же, как и квартира, дом. Потолок – небо – был присыпан известкой облаков. Люба невольно разволновалась. Она так давно не видела неба! Старушка-соседка, копающаяся в хозяйственной сумке, подняла голову, услышав вежливое «здравствуйте»:

– Доброго здоровья и тебе, девонька. Никак, Любаша, соседка моя? Что же ты, опять сюда переехала? В мамину квартиру?

– Да. Пришлось.

– А Макаровна говорила, ты замуж вышла. Мужик, что ли, дурной попался?

– Он умер. – Люба прислушалась к себе. Как спокойно она это сказала! Похоже, отболело. Олег умер, что тут такого? В жизни всякое бывает. Он умер, а она переехала обратно в мамину квартиру.

Но старушка разохалась, всплеснула руками и все говорила, говорила... Люба не вникала в смысл ее слов, молча кивала: «Да-да, все так» – и оглядывалась по сторонам. Привыкала к улице. В компании это было сделать проще.

– Марья Гавриловна, а вы чужих в нашем дворе последнее время не замечали?

– Чужих? Кого это чужих?

– Может, мужчина незнакомый обо мне расспрашивал?

– Был такой, девонька. Видный парень.

– Видный? – Она снова испугалась. Неужели Ромео ее нашел?

– Синеглазый, волосы светлые. Молодой совсем паренек. И тоже: «Не интересовался ли кто вашей соседкой?» Тобой то есть, девонька.

«Самохвалов, – догадалась она. – Значит, проверяет».

– Этот парень из милиции. А вы ему что сказали?

– Сказала, как есть. Был тут еще один. Ни о ком не спрашивал, стоял вон возле тех деревьев, в окна смотрел. День стоял, два стоял. Какой из себя, не припомню. В очках темных. Вроде молодой. Высокий. Не полный.

«Молодыми» для семидесятилетней старушки были и мужчины слегка за пятьдесят. А вот что высокий и «не полный»... Это, пожалуй, приметы. Люба вздохнула:

- Вы в магазин, Марья Гавриловна?
- На рынок, девонька.
- И я туда же.

Они пошли рядом. Старушка передвигалась медленно, опираясь о Любину руку, и все время что-то говорила. О ценах на рынке, о погоде, которая наконец-то установилась теплая после долгих апрельских холодов, о маленькой пенсии, о постоянно повышающейся квартплате. Люба подумала, что неплохо было бы зайти в банк, снять деньги со счета, посмотреть заодно, сколько их там осталось. Продукты и в самом деле подорожали, а квартплата повысилась. Житейские проблемы отвлекали ее от мыслей о маньяке.

Машина с тонированными стеклами медленно проехала мимо. Светлые «Жигули» девятой модели. Когда Люба обернулась, она увидела, как метров через сто машина стала разворачиваться, потом так же медленно поехала обратно. С Марьей Гавриловной они расстались у мясных рядов. Второй раз Люба заметила «Жигули» возле рынка. Пока ходила между рядов, выбирая овощи и фрукты, машина стояла на обочине, и из нее никто не выходил. Но когда Люба двинулась в сторону Сбербанка, «Жигули» вдруг тронулись и поехали в том же направлении.

Она шарахнулась обратно, к входу на рынок. Хотела затеряться в толпе. Задела женщину, которая начала громко ругаться, уронила один из пакетов. Тот разорвался. Пока Люба собирала его содержимое, по сторонам не смотрела, а когда подняла голову, бежевые «Жигули»-«девятка» стояли рядом. Разглядеть лицо человека за тонированными стеклами было невозможно. Люба не выдержала, подошла и постучала в черное стекло:

- Послушайте, что вам надо?

Было такое ощущение, что там, в салоне, никого нет. Ни движения, ни звука. Она постучала еще раз:

- Эй!

И вновь никакого ответа. Да есть там кто-нибудь? Люба даже за ручку дверцы подергала. Заперто изнутри.

Она оглянулась по сторонам: милицию, что ли, позвать? Водитель явно не хочет общаться. Но дожидаться, пока она позовет кого-нибудь на помощь, он станет вряд ли. Хотя... Разве ей угрожают?

Люба пошла по тротуару в сторону дома, стараясь вновь не уронить пакеты. Руки у нее слегка дрожали. «Жигули» тоже тронулись с места. Пока они просто ехали, очень медленно в шаг от Любы, но ей почему-то казалось, что в любой момент машина может свернуть на тротуар и резко прибавить скорость. И сбить. Может, он просто пугает?

Она не выдержала и пошла быстрее. Почти побежала. Свернула на маленькую улочку, чтобы пройти к своему дому проходными дворами. «Жигули» проехали мимо. Люба немного успокоилась. Но когда она подошла к дому, машина с тонированными стеклами уже стояла там. Из «Жигулей» по-прежнему никто не выходил. Люба побежала в подъезд, взлетела на третий этаж так быстро, как только могла, едва справилась с замком и успокоилась, только захлопнув за собой дверь. Все. А если он поднимется и позвонит? Нет, он не хочет общаться. Почему, непонятно, но не хочет. Похоже, специально загоняет ее обратно в квартиру. Зачем-то ему это надо.

Когда Люба успокоилась, она поняла, что с работой ничего не получится. Чутье подсказывало, что, как только она выйдет из дома, ее преследователь снова появится. Будет провожать ее и на работу, и с работы. Кто знает, до каких пор это останется мирным конвоем и на какие каверзы он еще способен? Его угрозы – это не пустое. Столкновение на шоссе доказывает, что этот человек способен и на решительные действия. Странный маньяк. Похоже, загоняя ее в квартиру, он одновременно загоняет ее в Интернет. В виртуальный мир. Он хочет

общаться там. Хочет полностью владеть ситуацией и Любиным временем. Он не хочет ею ни с кем делиться.

Ну уж нет! В угол ее не так-то просто загнать! Она хочет работать и будет работать!

Где-то в записной книжке были телефоны ее пациентов. Она будет звонить им весь день, пока не добьется своего. У нее будет работа, будут пациенты. Будет общение. Если по Интернету можно получить даже благословение папы римского, почему нельзя получить помощь дипломированного психолога? Есть предложение, значит, остается найти спрос.

... – Добрый день. Аллу Сергеевну...

– Она здесь больше не живет.

– А где?

– Нигде.

Гудки.

... – Добрый день. Бориса Андреевича...

– Одну минуту...

– Слушаю вас.

– Это Любовь Александровна Петрова. Психолог. Вы были у меня на приеме. Я какое-то время была больна и не занималась частной практикой. Сейчас все в порядке. Не хотите продолжить наши беседы?

– Благодарю, я бизнесом больше не занимаюсь.

– И проблем больше нет?

– Нет. Ни проблем, ни денег. И знаете что? Я наконец-то успокоился.

– Что ж, извините...

... – Добрый день. Павла Петровича...

– Да, слушаю.

– Это Любовь Александровна Пе...

– Господи, куда же вы пропали?! Мне все время твердят, что на вашем месте работает другой человек, но я к нему не хочу! Слышите? Не хочу! Не желаю я все объяснять кому-то заново. Не так-то просто признаваться в своих тайных пороках. Я такой человек, что решиться на это могу только один раз. Я такой человек, такой человек...

– Я не могу вести прием в прежнем месте.

– А где?

– Если хотите, мы можем общаться через Интернет. Может, вам проще будет все высказать, не видя лица собеседника? В режиме онлайн. Сможете?

Пауза.

– Это что, новые веяния в психотерапии?

– Да. Эксперимент.

– Хорошо, я согласен. Когда первый сеанс?

– Запишите адрес электронной почты. Начнете вы. Хорошо?

– Устраивает. Я тяжело привыкаю к новым людям. Я такой человек...

... – Добрый день. Раису Михайловну. Это психолог, у которого...

– Все вы шарлатаны! Сволочи! Вам бы только денег! Ненавижу!

Рыдания.

– Не вздумайте прекращать лечение...

... – Добрый день.

– Голос такой знакомый...

– Алексей Сергеевич?

– Можно просто Алексей. Выздоровели?

– С чего вы взяли, что я болела?

- Я звонил вам на работу. Когда возобновляем сеансы?
- Видите ли, я предлагаю сделать это через Интернет.
- Интересно. Люблю все новое. Давайте адрес. А форма оплаты тогда какая? Безналичная? По перечислению? И сколько?
- Это будет зависеть от того, насколько удастся наш эксперимент.
- Хорошо, договоримся. Я на связи. Как только будет время, я вам напишу.
- ... – Добрый день. Петрова Любовь Александровна. А вы Марина Борисовна?
- Марина. Да. Я вас помню. Можно прийти к вам еще раз? Мы с мужем опять поругались. Вчера поругались, сегодня поругались. Он говорит, что я нервная.
- Я хочу возобновить сеансы, но только через Интернет.
- Через что? Через Интернет? Как мило! Это, должно быть, модно.
- У вас есть компьютер?
- У мужа ноутбук. Но он этот ноутбук все время с собой таскает. Что там могут быть за секреты, которые он от меня прячет? Говорит – бизнес. И куда он, интересно, его в машине втыкает, чтобы работало?
- Вы пользовались когда-нибудь компьютером?
- А зачем? Меня это не интересует!
- Жаль. Тогда ничего не получится.
- Почему это не получится? Психолог через Интернет – прелесть какая! Подруги просто от зависти умрут! Так стильно! Я сегодня категорически заявлю своему: или компьютер, или он перестанет задерживаться на работе до полуночи. И все эти его шлюхи-секретарши...
- Добрый день. Сергея...
- Я. Слушаю.
- Как ваши дела?
- А вы кто?
- Психолог. Любовь Александровна...
- Да-да. Вспомнил. Вас-то мне и не хватало.
- По-прежнему проблемы?
- А кому сейчас легко?
- Избитая фраза.
- Что поделаться, новых не придумали. Зато сразу все понятно. Хотелось бы с вами опять поговорить. По душам.
- Взаимно.
- Так когда?
- Сеансы через Интернет вас устроили бы?
- В ногу со временем, да?
- Допустим.
- А почему тогда не по телефону?
- Вам надо собраться с мыслями и подробно описать свои проблемы. Это требует времени и сосредоточенности. Это уже облегчает мою задачу. Вы все напишете и поймете, что это не так страшно.
- А как насчет конфиденциальности?
- Гарантирую.
- А мои письма? Я имею в виду электронные.
- Я их уничтожу.
- А если распечатаете? И дадите кому-нибудь прочитать? Или используете для своей диссертации?
- Понятно: это и есть ваша проблема. Мнительность.
- Вы хотели сказать, паранойя.

- Я не тороплюсь ставить диагноз.
- Могу порекомендовать вас своим знакомым. От клиентуры отбою не будет.
- Спасибо. А сами как поступите?
- Пожалуй, соглашусь. Мой имидж от этого только выиграет. Главное нынче – прослыть продвинутым человеком в области компьютерных технологий. И тогда начальство будет тебя ценить, а друзья активно использовать.
- Но проблемы у вас не в области компьютерных технологий, насколько я помню.
- Да. Женщины. Тема древняя как мир. Мало было Господу Адама. Зачем он только создал Еву?
- Чтобы мы с вами сейчас разговаривали по телефону.
- Ха-ха!
- Изложите мне ваши соображения по этому поводу.
- У меня есть адрес вашей электронной почты на визитке.
- Он изменился. Запишите новый...
- Добрый день...

Уже за полночь она со вздохом облегчения отклеилась от телефонной трубки. Кажется все. Список подошел к концу. Похоже, что три верных клиента у нее есть. Кого-то не было дома, кто-то не хочет откровенничать вслепую. Что ж, если получится с тремя, можно потом дать объявление в Интернете. Виртуальный кабинет психологической помощи. Остается только дожидаться утра и просмотреть почту. Может быть, кто-то из троих уже пришлет первое сообщение? А вечером будет на связи.

...Утро оказалось пасмурным, но теплым. Город был плотно укутан пуховым одеялом облаков и, задыхаясь, ждал дождя. Люба постояла немного на балконе, разглядывая редких прохожих. Потом вошла в комнату, включила компьютер.

Он был умнее, быстрее и всегда на шаг впереди. Как будто заранее знал, что рано или поздно Люба так поступит: будет продолжать работу с пациентами через Интернет. Потому что первое сообщение было от него.

«Добрый день. Теперь нам никто не мешает. Я холост, вы теперь вдова, но это частности, а в целом между нашим семейным положением можно поставить знак равенства. Одиночество со знаком минус, помноженное на одиночество со знаком минус, дает один огромный плюс. Мы можем объединить их в одно огромное одиночество. Величиною с виртуальный мир. И хотя я уже начинаю забывать, какого цвета у вас глаза, не огорчайтесь. Пришлите фотографию. Только, пожалуйста, цветную. И... свою. Знаю я ваши женские штучки!

Тот, который когда-то пытался изображать Ромео».

«Чтоб ты провалился!» – в сердцах подумала Люба. Как же быстро он ее вычислил! Если бы она лучше разбиралась в компьютерах, то догадалась бы, как он это сделал. Да, он умнее. Еще и издевается: «Добрый день...»

И тут она сообразила. Сколько раз за вчерашний день она сказала эту фразу? Все гораздо проще. Она же сама дала всем желающим новый адрес своей электронной почты. Желающих оказалось трое. Ну как она раньше этого не поняла! Конечно! Он был одним из ее пациентов. Вернее, маскировался под пациента. Сам же упомянул как-то, что Люба знает про него все. Он приходил к ней на прием, возможно, не один раз.

Но который из трех? Для того чтобы это понять, надо работать. Рано или поздно он себя выдаст. Одна из историй вымышленная. Он сочинил себе проблему, а на самом деле замышляет убийство. Поиграет с ней как кошка с мышью, а потом... Люба невольно передернулась, вспомнив огромную черную машину, летящую прямо на нее. Удар и темнота. А потом боль.

Почему именно она?! Но другого способа избавиться от Ромео не существует. Только сделать вид, что условия игры приняты. Пусть не знает, что она догадалась.

Глава 3

Пациенты

1

Когда Люба немного успокоилась и перечитала письмо, у нее мелькнула мысль позвонить капитану Самохвалову. Не веришь в существование виртуального маньяка? Так на тебе! Если этот Ромео – один из трех ее пациентов, то вычислить его не сложно. Она из дома выйти не может, но у Самохвалова-то нет с этим проблем! Вот пусть и займется своими непосредственными обязанностями: задержит преступника.

Но потом она вспомнила его синие глаза, светлый вихор на макушке, «урок компьютерной грамотности» и застеснялась. Еще подумает, что она его клеит! Мол, вдовушка врет, чтобы заполучить нового мужика в свою остывшую постель. Стас ведь недаром спросил: «А сами себе вы можете отправить письмо?» Нет, Самохвалов – это на крайний случай. Из дома Люба теперь ни за что не выйдет, будем надеяться, что Ромео не взломает дверь. До сих пор он таких попыток не предпринимал. Ему почему-то нужно виртуальное общение, а не визуальный контакт. За запертой дверью, в четырех стенах Люба в безопасности.

И потом... Интересно же раскрыть преступление, не выходя из дома! Информация – вот ключ к успеху. А у нее есть доступ к любой информации. Остается только добывать ее и анализировать. Самохвалов может, конечно, проверить алиби всех троих Любиных пациентов на тот момент, когда убили Олега. Но будет ли толк? Одного будет покрывать жена, другого любовница, третий окажется геем, стесняющимся в этом признаться, и все они начнут врать. А Люба попытается вывести их на чистую воду. Ее вдруг охватил азарт. Захотелось утереть мальчишке нос. А ну? Кто кого?

Быстрее всех откликнулся на предложение исповедаться письменно «особенный человек», который, едва услышав ее голос, почти заорал: «Господи, куда же вы пропали?!» Павел Петрович Стрельцов, Люба его вспомнила, пробежав глазами первые строки электронного письма. Мужчина лет пятидесяти, холеный, вальяжный, дорого и со вкусом одетый, с бархатым голосом, диетик и спортсмен. В разговоре он все время возвращался к этому моменту: к занятиям спортом. К месту и не к месту напоминал собеседнику о том, что вот он, Павел Петрович Стрельцов, несмотря на возраст, бегаёт по утрам, два раза в неделю посещает бассейн, ходит на массаж, строго соблюдает при этом диету, а по выходным дням играет в теннис с людьми своего круга. И поэтому находится в отличной физической форме.

Люба словно вновь услышала его низкий, хорошо поставленный, как у диктора, голос:

– Да-да, с людьми своего круга. Не с кем попало. Я такой человек.

Оставаться в форме Павлу Петровичу было просто необходимо. Дело в том, что у него была молодая жена. Миловидная особа двадцати лет с небольшим, Люба видела ее фотографию. И никогда бы не подумала, что такие девушки выходят замуж по расчету. Юная жена Стрельцова оказалась такой милой, доверчивой и романтичной! По фотографиям создавалось ощущение, что она проводит время в мечтах о неземной любви, о поэзии, а никак не о нарядах, мехах и драгоценностях. Полина Стрельцова выглядела так, словно жила веке этак в девятнадцатом. Хотя и родилась во времена, когда женщины перестали стесняться мужских профессий, а красивой одежде стали предпочитать удобную. Милая Полина сохранила роскошную косу соболиного цвета, которую укладывала на голове короной, почти не красилась, ибо глаза ее были и без того огромны, и, судя по платьям, в которых молодая женщина была одета на всех ее фото, модной джинсе и лайкре предпочитала рюши, воланы и кружева.

И тем не менее именно эта девушка поступила цинично: вышла замуж за человека, на тридцать лет ее старше, занудливого, эгоистичного, зато богатого, живущего за городом в собственном особняке, имеющего солидную фирму и знакомства с «людьми своего круга». То есть с преуспевающими и обеспеченными. Полина Стрельцова вошла в этот круг, даже не подозревая, какие ее там ждут проблемы.

О том, что молодая жена не вписалась в компанию богатых и немолодых людей, Павел Петрович упоминал мельком. Постольку-поскольку постоянно жаловался на Полину, а в особенности на ее легкомысленный характер и стервозность. Ее проблемы Стрельцова не интересовали, он взахлеб рассказывал о своих. О том, как ему тяжело жить. Хотя, вспоминая фотографию девушки, Люба не могла поверить в то, что Полина Стрельцова особа взбалмошная и скандальная. Скорее напротив. Она похожа на жертву, а не на палача. Тем более не способна на бурные выяснения отношений со своим пасынком. Люба вспоминала задумчивый взгляд огромных карих глаз, длинные ресницы, высокий, гладкий лоб, бледные губы в загадочной полуулыбке и невольно вздыхала. Такая милая девушка! Люба никак иначе ее про себя и не называла. Только так: милая Полина. Но внешность зачастую бывает обманчива.

Павел Петрович, к примеру, без устали рассказывал о ссорах молодой жены с собственным сыном, человеком тоже молодым, избалованным и горячим. Нервничал Стрельцов потому, что жить в собственном доме, по его словам, стало невыносимо. И психотерапевта он стал посещать по этой же причине: нервы. А молодая жена требует к себе постоянного внимания. Он же, Павел Петрович, уже не юноша, темперамент не тот, а тут еще сынок подзуживает, знакомые намекают: как, мол, она, жизнь молодая? А какая жизнь, если каждое утро начинается со скандала?

Стрельцов был человеком словоохотливым, задавать ему наводящие вопросы не приходилось, и вообще вклиниваться в его монолог Любе удавалось не часто. Все отведенное для сеанса время она слушала, слушала, слушала, ожидая, когда же Павел Петрович наконец выговорится. Не дождалась. Это был так называемый человек-монолог, с уникальной способностью говорить, не обращая никакого внимания на реакцию собеседника. Пусть зевает, пусть откровенно скучает, пусть даже злится, главное, выговориться самому. И теперь он начал с того, что прислал ей чуть ли не всю первую часть своего дневника. В письме Стрельцов был так же подробен, многословен и целиком сосредоточен на себе самом. Единственном и неповторимом. Люба никак не могла понять, почему Павел Петрович начал свой рассказ с истории пятнадцатилетней давности. Тем более что она ее уже слышала на первом сеансе. Почти слово в слово:

«В году триста шестьдесят пять дней. Жизнь человеческая в среднем составляет лет шестьдесят. Я имею в виду мужчин. Увы! Такова печальная статистика! Но все равно: шестьдесят лет! Это же больше двадцати тысяч дней! Большинство из них проходит и не оставляет никакого следа. Лег спать, – наутро все позабыл. Пески времени засыпают берег памяти, чем дальше, тем больше, глубже... И уже не помнишь, когда, в какой день произошло это жизненно важное? Ключевой поворот в судьбе. Копаешься в памяти, копаешься, и наконец осеняет: вот с этого все и началось! Поступи я тогда иначе – и вся дальнейшая жизнь могла бы сложиться по-другому. И не было бы сейчас этих мук, этих бессонных ночей. Совесть. Как с ней быть? Ну как?

Помню только, что с утра было солнце. День ясный, морозный. Накануне я пообещал жене, что приеду домой пораньше и схожу с Мишкой в комиссионный магазин. Коньки он там себе присмотрел. Подарок ко дню рождения. Хорошие коньки, почти новые. Импортные, в магазине тогда таких нельзя было купить. Только из-под полы, по большому благу. Блат-то у меня был, да не тот. В другом магазине, не в спортивном. Если бы сапоги жене, я бы мигом устроил, а вот коньки...

Одним словом, пообещал. А тут, как назло, в качестве общественной нагрузки пришлось мне присутствовать в суде. Заседателем. Как же: не пьющий, партийный, у начальства на хорошем счету. Образование высшее получил, хотя и со скрипом, лет семь учился вместо пяти. Но... Надо ж было карьеру делать! Не юноша уже, за тридцать. В начальники пора выбиваться. Выслуживался, как мог, вот и припахали в качестве общественной нагрузки народным заседателем. Сiju, а вокруг – одни бабы! Слушается дело о разводе, вот они и набежали, сороки любопытные. Второй заседатель – баба, тихоня, жизнью замотанная, сразу видать, что дома ей каторга, председатель народного суда – тоже баба. Похоже, старая дева, потому что никуда не торопится. Вобла сушеная! Сидит и все тянет, тянет... кота, извиняюсь, за... А у меня в голове только Мишка и коньки. Если придем в комиссионку, а их там уже не будет, как я парню в глаза-то посмотрю? Ну как?

А эти двое стоят и друг друга жалеют. Мужик и баба, которые разводятся. Меня не жалеют, Мишку моего не жалеют, которому коньки до зарезу нужны. Сказали бы ясно: никаких, мол, компромиссов, видеть друг дружку больше не хотим, развод, и точка. Вынесли бы миглом постановление и быстренько разбежались по домам. А судья все докапывается:

– Ну в чем причина-то? Почему хотите развестись?

Наконец жена заикнулась:

– Он мешает мне делать карьеру. Ревнует.

– А вы, простите, кто по специальности?

– Актриса.

– Вот как?

Тут даже мне интересно стало. Пригляделся: а она-то красотка! Ножки стройные, грудь высокая, все при ней, все ладненькое. Я бы тоже такую ревновал.

– Мне и так пришлось взять академический отпуск из-за ребенка! Два года потеряла! Теперь наконец-то театральное училище закончила. Получила распределение в другой город. Карьеру надо начинать в провинции, это всем известно. А он не отпускает.

– Почему не отпускаете, гражданин?

– А что тогда будет с нашей семейной жизнью? – ерепенится мужик. – Я в одном городе, она в другом. А как же ребенок? Я тоже в конце концов хочу сделать карьеру! Год как институт окончил! Надо же на работе закрепиться! Не желаю срываться в детский садик да по столовкам болтаться! Пусть она дома сидит!

– Нет уж, твоя очередь!

– Ты женщина, а не я! Я – мужчина!

– По твоей зарплате этого не заметно!

– Хочешь сказать, актрисы много получают? Ну какой тебе предложили оклад, звезда театральных подмостков? Ты скажи, скажи, пусть люди посмеются!

Наконец-то поругались! Может, коньки еще и не купили? И магазин открыт. Пока открыт. Кашлянув, говорю сидящим вокруг меня бабам:

– Что ж, дело, по-моему, ясное. Не хотят люди жить вместе. Разведем – и пусть себе каждый делает карьеру.

– А ребенок? – еле слышно говорит тихоня. – Ребенок, как же?

Надо же, проснулась!

– Дочь останется со мной! – отрезает актриса.

– Почему это с тобой? Ребенка-то зачем надо тащить в провинцию? – не согласен ее мужик.

– Ты же сказал, что не хочешь в садик после работы бегать!

– Да мало ли что я сказал!

Снова пошла перебранка, но видно, что мужик не уступает больше из упрямства. Бабе своей насолить хочет. Дочь ему не нужна. Нет, здесь все ясно.

– Так вы настаиваете на разводе? Подумайте хорошенько, истица, – не унимается вобла.

И вновь она влезла! Ну что старой деве надо, спрашивается? А эти двое, как только доходит до дела, сразу же начинают ломаться. Мнутя, косятся. Она на него, он на нее. Господи, да они же друг дружку любят до смерти! Просто пришли на людях поругаться. Ну и цирк! Стоят, комедию ломают. Игрушки им. Нет, это может затянуться надолго. А как же Мишка? А коньки?

И я говорю им внушительно:

– Граждане, вы не в цирк сюда пришли. И незачем время у людей отнимать. Или сейчас все решайте, разводитесь к чертям, или мы ваше дело больше в суде разбирать не будем. А репетиции дома у себя устраивайте. Суд – не театральные подмостки. Вас касается, гражданка истица.

И тут актриса вспыхнула вся и решительно заявляет:

– Да не собиралась я никакого представления устраивать! Я пришла, чтобы развестись с этим человеком. И без развода не уйду!

– Согласен! – в свою очередь кивает мужик. – Если ей так хочется, разводите!

Бабы, особенно тихоня, все еще мнутя. Помирить их хотят. И неизвестно, насколько это затянется. Но на то я и мужчина, чтобы на них надавить. Все и так ясно: выносим постановление о разводе, девочка остается с матерью, Мишка с коньками. И бегом отсюда. Бегом...

Хорошо, что у меня машина. Пять лет в очереди отстоял. На льготной, заводской, как передовик производства. И купил «Москвича». Цвет «Лотос», как сейчас помню. Неделю как заведенный все повторял, вылизывая свою красавицу: «Лотос», «Лотос», «Лотос»... Сколько их потом было, не вспомню, и отечественные, и иномарки, но эта – первая любовь. На всю жизнь.

Короче – я к машине, а они там, возле стоянки. Стоят, с ноги на ногу переминаются. Вроде бы пора в разные стороны разойтись. Ему, как говорится, налево, ей – направо.

– Ну, пока.

– Пока.

И снова стоят. А мне-то что, я к сыну опаздываю.

– Извините. Пройти можно?

– Да-да.

Господи, какие у нее глаза! Не глаза – океаны. Все реки тоски, какие только есть на этом свете, слились – и в этот синий омут. Глубоко-то как! Да... Глубоко.

Но я в машину. Ничего страшного. Захотят, опять в ЗАГС придут. Не зарезал же – развел. У них своя жизнь, у меня своя. Любить по-разному можно. И в ссорах меру знать. Иначе как бы не заиграться...

...И мы трое разошлись в тот день в разные стороны. Он, как говорится, налево, она направо, а я – к Мишке. А когда потом встретились вновь, спустя много лет, я вспомнил этот день. И пожалел, что думал тогда только о коньках, катание на которых все равно не пошло Мишке на пользу. Он через месяц упал и ногу сломал. А я жизнь себе и... В общем, много кому. Вот так.

Пациент».

И все. Знакомая история. Но почему он снова и снова к ней возвращается? Бракоразводный процесс, каких в его жизни был не один десяток. С год Стрельцов П. П. числился в народных заседателях. Но все время вспоминает про эти коньки. К чему?

Люба обратила внимание на последний абзац. Прежде в рассказе Павла Петровича этого не было. Все заканчивалось тем, что он сел в машину и уехал. А дальше про то, что его молодая жена оказалась стервой. И что, мол, не только она в этом виновата. Проблемы воспитания. А он должен страдать. А тот самый Мишка, свет в окошке, вырос стервецом. До денег жадный,

с мачехой делиться не хочет. Друг другу из дому выживают. Обычная история. Слишком уж обычная. Словно сыгранная по нотам. Уверенно сыгранная, без запинок. Придумать такую фантазии много не надо. А если судить по выбранному псевдониму «Пациент», фантазия у Павла Петровича действительно небогатая. Но Стрельцов – «Ромео»? Невозможно в это поверить! И тем не менее...

И она написала Стрельцову:

«Павел Петрович, вернитесь к более ранним событиям своей жизни. Ваша первая жена, история знакомства, период ухаживания, и, пожалуйста, поподробнее.

Доктор».

Она ожидала скорый ответ, но его не последовало. Видимо, Люба нащупала крайне болезненную для Стрельцова тему. Первую его жену тоже звали Полиной, он об этом как-то упоминал. Случайное совпадение? Но Павел Петрович охотно и много говорил о чем угодно, только не о первом своем браке. Полина-первая умерла года два назад. Любил ее безумно? Рана свежа? Тогда почему так скоро женился на молоденькой?

Нет, не так он прост, этот Павел Петрович Стрельцов.

«Что нежной страстью как цепью я окован...» – неожиданно вспомнила она. Крутится в голове, и все тут. Как у Стрельцова с коньками. Надо во что бы то ни стало заставить его перескочить на другую тему. Иначе они так и будут прокручивать старую пластинку: пески времени, морозный солнечный день, Миша, коньки...

И вдруг – вам сообщение! Люба оживилась. Неужели же Стрельцов решился пооткровенничать? Она напряглась: «Ну, давай же, давай...»

2

От кого: Клаус.

Тема: личное.

Она даже обмерла: ну и псевдоним! Что за намеки? Интересно, что это он имеет в виду? Деда Мороза, что ли? Мешок новогодних сюрпризов? Ничего себе подарочек!

«Подарочек», в отличие от Стрельцова, не был таким занудой. Он был краток. Но легче ей от этого не стало.

«Я боюсь людей. С некоторых пор очень боюсь. Хочу вылечиться от этого. Хожу по улицам и боюсь. Еду в метро и боюсь. В глаза никому не смотрю. Ужасное чувство: все время ждать, что тебя заденут, толкнут или наступят на ногу. Обругают. Боюсь, что девушка, с которой я захочу познакомиться и вдруг заговорю, откажет. Хорошо, если просто сделает вид, что не замечает, а может сказать такое, что захочется ее убить.

Мне советовали: огрызнись в ответ. С хамками будь хамом. Но я человек цельный. Как можно с хорошими людьми быть хорошим, а с плохими плохим? Тем более что они очень быстро переключаются. Люди. С «хорошо» на «плохо». В зависимости от выгоды. Как светофор. Зеленый, желтый, красный; зеленый, желтый, красный; зеленый... «Можно ехать», «внимание!», «стоп, хода нет!». Главное – не пропустить этот сигнал: «внимание!». Иначе можно попасть в аварию. Можно шею себе сломать и тут же умереть или же остаться на всю жизнь инвалидом. Душевным инвалидом. Вы ведь специалист по душе, вы должны это знать. Вы многое должны знать.

Лучший друг, например, может оказаться сволочью. Запросто. Между деньгами и дружбой всегда выбирают деньги. Время такое. Своя рубашка ближе к телу, человек ищет, где лучше, ну и так далее.

Как, по-вашему, должен чувствовать себя человек, которого использовали? Талантливые люди – они щедрые. И глупые. За деньги я никогда не сделал бы того, что сделал из доверчивости, поверив, что это всего-навсего розыгрыш. Безобидный спор. На «могу» – «не могу». Я могу многое. Кроме одного: быть хамом. Я – система открытая, быстро обучающаяся. Это очень просто: никому не доверяй, внимательно смотри на светофор, не ходи на «красный». Но, быть может, я не прав?

Научите.

Клаус».

И все. Она вспомнила: Алексей Градов. Возраст: около тридцати. Шатен, глаза голубые. Рост выше среднего. Симпатичный. Образование высшее, холост, живет на съемной квартире, работает программистом. Вывод: странный парень. Почему? Да кто его знает! Странный, и все. Зачем он ходит к психотерапевту?

Люба все никак не могла понять, в чем же его проблема. На вид так у Градова все в порядке. С девушкой он боится познакомиться! Как же! Да, ему просто необходимо общение! И не с девушкой. Поболтать он хочет. А с кем – все равно. Девушка что? Хи-хи, ха-ха. А у него интеллект выше среднего. Мучается парень от отсутствия общения. Сидит дома, сдает заказчику готовый продукт, иногда играет на бирже, когда нет работы. По мелочи, покупая акции через Интернет и тут же продавая их, как только подскочат на несколько пунктов. По его же словам, денег на жизнь хватает.

А вот общения не хватает. Люба вспомнила эти «консультации». Ни о чем. Общие фразы. Стрельцов – человек-монолог, а этот философ доморощенный. Что ж поделать, если парень так отдыхает? Часовая беседа на общие темы, и он в норме. Снова готов к труду и обороне. От людей, которых боится. Да никого он на самом деле не боится, а вот ответственности за

семью, если ее иметь, за друзей, если их опять же иметь, боится. Не хочет быть к кому-то или чему-то привязанным. Потому и работа такая. Про таких и говорят: сам не знает, чего хочет. И ко всему прочему врет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.